

ИВ ЛИЛИТ

ОСКОЛКИ

Contract

МИР РАЗЛЕТЕЛСЯ НА ОСКОЛКИ.

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ИЗ НИХ МОЖНО ВЫКОВАТЬ КЛИНС
САМЫЙ ОСТРЫЙ.

18+

Ив Лилит

Осколки

Серия «Дихотомия», книга 2

<https://litres.ru/74536407>

SelfPub; 2026

Аннотация

ВТОРАЯ ЧАСТЬ! СПОЙЛЕРЫ, ЕСЛИ НЕ ЧИТАЛИ ПЕРВУЮ!

Она называла меня судьёй.

Я и был судьёй – холодным, расчётливым, наблюдающим со стороны. Пока не влюбился.

А когда её мир разбился, я понял, что осколки режут мне руки не меньше, чем ей.

Моё имя – Дженсен Торренс. И я всегда знал, что мой брат – монстр. Я просто не знал, на что способен монстр, когда у него отказывают тормоза.

Теперь она не спит по ночам без таблеток, потому что видит один и тот же сон. А я не сплю, потому что планирую его похороны.

Думаете, время лечит? Нет. Время – это просто время, а лечит только месть.

Скажете, что близнецы чувствуют боль друг друга? Здесь я, возможно, соглашусь.

Но когда я убью его – я не почувствую ничего.

Содержание

От автора	5
ПЛЕЙЛИСТ	7
ПРОЛОГ	8
ГЛАВА 1	10
ГЛАВА 2	36
ГЛАВА 3	57
ГЛАВА 4	78
ГЛАВА 4.1	96
ГЛАВА 5	118
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Осколки

От автора

«Если идёшь через ад — продолжай идти».

Уинстон Черчилль.

Мои герои пройдут через него. Потому что будут идти вместе.

Шаг. За. Шагом. #

Внимание: книга содержит сцены, которые могут быть тяжёлыми для некоторых читателей.

Основные триггеры:

Последствия насилия

Панические атаки, флэшбеки

ПТСР, диссоциативные состояния

Депрессивные эпизоды, суицидальные мысли

Сцены физического насилия, кровь

Упоминание психоактивных веществ

Психические отклонения, агрессия

Пожалуйста, позаботьтесь о себе во время чтения.

P.S. Не читайте эту часть, если не читали первую книгу.
"Осколки" —прямое продолжение.

ПЛЕЙЛИСТ

The Neighbourhood– A Little Death

Empara Mi – Wygd

Lxzt – Apathetic Slowed

Eminem & Rhianna– Love The Way You Lie

Silent Anthem– Quilty

Evanescence – Bring Me To Life

Evanescence – Afterlife

Sia – Bird Set Free

Bad Omens– Dying to Love

Evanescence – Tourniquet

Bring Me the Horizon– Can You Feel My Heart

Drunken Night– Ash in Your Eyes

Halsey – Not Afraid Anymore

DMX – Party Up

ПРОЛОГ

Многие люди видят себя со стороны только в зеркале. Или когда смотрят свои фотки.

Близнецы же видят себя в отражении друг друга. Но чаще всего это только внешняя оболочка. То, что таится внутри, невозможно разглядеть ни с первого, ни со второго раза. А мы выросли в такой семье, что взгляни нам в глаза в сотый раз – не поймёшь, что там.

Я включил свет в ванной и остановился перед зеркалом. В отражении был я. Настоящий. Тот, кем я должен был стать при любом раскладе.

Открыл кран и подставил ладони под ледяную воду.

Я видел тьму в его глазах, но не знал её масштабов. Утонув в голубых глазах, я напрочь забыл о карих. И это была моя самая большая ошибка в жизни. Грёбаная ошибка, которая чуть не стоила ей жизни.

Только когда холод стал жечь пальцы, я вернулся в реальность и плеснул водой в лицо. Закрыв глаза на какую-то секунду и снова увидел это тошнотворное слайд-шоу под названием «нельзя отмотать и переиграть».

– Да когда же это кончится, блять...

Я уже привык получать в ответ тишину, но должен признать, что даже рад этому.

Спасибо, Бог. За отсутствие новых сюрпризов.

Открыл глаза, вытер лицо полотенцем. Перекрыл кран и вышел из ванной, погасив свет.

Длинный день закончился и неизвестно, что будет завтра. Хотя, догадаться было не сложно, конечно. Благо в этот раз я был готов.

И с нетерпением ждал.

ГЛАВА 1

19 февраля 2026 года.

Я не спал.

Шли вторые сутки, когда реальность превратилась в мутное месиво из темноты и тишины, никак не желая обретать чёткие контуры. Глаза, конечно, закрывались, но сознание цеплялось за каждый шорох и каждый вздох Морриган, боясь провалиться в сон.

А если она закричит? Если позовёт меня, а я не услышу?

Я лежал на краю кровати и не шевелился, чтобы не разбудить её, но снотворное, которое купила Джилл, работало. Морриган спала уже почти восемь часов, только сон этот получался тяжёлым. Она то и дело вздрагивала, что-то шептала, пока пальцы судорожно сжимали край одеяла, а я смотрел на неё и чувствовал, как внутри всё переворачивается.

Я чувствую, как тебе больно, Морриган. Будто мы с тобой связаны, как...

«Близнецы».

Чушь собачья. Мы перестали чувствовать друг друга чёрт знает когда. Наверное, в тот момент, когда он впервые взял в рот ту дрянь, которая теперь управляла его жизнью. Хотя в детстве мы могли одновременно чихнуть, одновременно проснуться посреди ночи, одновременно сказать одну и ту же глупость. Мелисса называла это «нашей суперси-

лой». Но это было охренеть как давно.

Я не чувствовал Итана, но остро чувствовал её. Каждую её судорогу, каждый сдавленный вздох, каждую слезинку, которая скатывалась по виску и терялась в подушке. Будто он, насилуя её, изнасиловал и меня. Будто его поганые руки дотянулись до нас обоих.

В восемь утра я осторожно выбрался из постели и, стараясь не шуметь, вышел из спальни. Тело ломило от напряжения и недосыпа, голова трещала, а в глаза будто песка насыпали. Всё сводилось к одному, но я прекрасно знал: если поддаться, я увижу только одно – её лицо на том чёртовом снимке с широко раскрытыми и полными страха глазами. Я видел эту картинку каждый раз, когда моргал. За ночь я научился моргать реже.

За окном начинался серый, промозглый февральский день. Я включил кофемашину и достал две кружки – простую керамику чёрного цвета и белую, с потёртой чёрной надписью. Взгляд невольно зацепился за буквы.

«Музыка – моя религия».

Кажется, ей было лет десять. Морриган как-то обмолвилась, что Кай вручил ей этот трофей в день поступления в музыкальную школу. Сейчас же музыка для неё просто звук. Всё, что было её жизнью до позавчерашнего вечера, теперь либо разбито вдребезги, либо обесценено. А я даже не знал, с чего начать собирать осколки.

На столешнице всё так же стояли цветы, рядом лежал сни-

мок. Меня не один раз посещала мысль выбросить хотя бы цветы, но каждый раз я себя останавливал. Знал, что это больше не нужно, но решиться никак не мог.

Кофе сварился, я разлил его по кружкам и двинул обратно в спальню.

Проснулась.

Морриган, лёжа на спине, смотрела в потолок невидящими глазами. Дышала она так незаметно, что я на секунду испугался. Но грудь всё же едва заметно поднялась, а затем опустилась, и я выдохнул.

– Привет, – выдавил я, ставя кружки на тумбочку и присаживаясь на край кровати. – Я кофе принёс.

Она медленно моргнула один раз и повернула голову. Я увидел, как её зрачки расширились, а рука, лежавшая поверх одеяла, едва уловимо шевельнулась, будто хотела выставить блок. Взгляд Морриган тут же метнулся к моей шее. Упёрся в татуировку. Завис.

Лишь после этого плечи самую малость обмякли, и она снова уставилась в потолок.

– Спасибо, – прошептала она так тихо, что я едва расслышал.

Я протянул ей кружку. Морриган приподнялась на локте, поморщившись от движения, взяла кружку и замерла, глядя, как поднимается пар. Спустя минуту поднесла к губам и сделала крошечный глоток. Потом ещё один. Пила механически, почти не моргая и глядя куда-то сквозь стену, а я

смотрел на неё и проваливался в прошлое. Опять.

Четыре месяца назад я привёз её сюда после того, как Итан опоил её на посвящении. Тогда она тоже проснулась разбитой, тоже пила мой кофе. Я заподозрил неладное до того, как случилось непоправимое. Я был рядом, успел. И сейчас такое же утро, тот же кофе, но она...

Из-за меня. Потому что в этот раз я не успел. Потому что оставил её одну.

– Морриган, – позвал я, вкладывая в голос остатки спокойствия. – Я знаю, это сложно. Невыносимо сложно, но... нам нужен врач.

Она вздрогнула так, будто я её ударил. Глаза наконец сфокусировались на мне, и в них зажглось что-то похожее на ужас.

– Нет, – прошептала она. – Не надо. Я в порядке.

– Ты не в порядке, – вырвалось у меня, и голос всё-таки дал трещину. – Прости, но это так. Ты едва двигаешься. Ты... Я замолчал.

Как сказать ей это? Как, блять, сказать, что она выглядит хуже, чем хреново?

Она попыталась встать с кровати, и я увидел, как исказилось её лицо, а ладонь инстинктивно прижалась к низу живота. Морриган закусила губу, пытаясь сдержать стон, но я всё равно услышал этот сдавленный звук.

– Морриган...

Я поднялся, протягивая ей руку, чтобы поддержать, но

она резко отшатнулась и зажмурилась.

– Не надо, – прошептала она, явно желая выкрикнуть.

Я замер на месте. Морриган вцепилась в край моей белой футболки и давила в себе рвущиеся наружу рыдания. Я видел, как её всю колотит изнутри. Как слёзы подкатывают, а она их глотает, захлёбываясь. Желание прижать её к себе было до боли острым и таким же недоступным.

– Я... – начала она и осеклась, прерывисто выдохнув. – Ладно. Хорошо.

Это «хорошо» прозвучало так, будто она соглашается на пытку. Хотя, может, так и есть.

Я кивнул, не доверяя голосу, и вышел из комнаты, чтобы дать ей хотя бы иллюзию приватности. На кухне я достал телефон.

Я:

>Когда мы можем попасть к твоему врачу?

>Желательно, как можно скорее.

Ответ пришёл через минуту.

Гермиона:

>Звоню прямо сейчас. Жди.

Я убрал телефон в карман и прислонился к столешнице, глядя в окно на серое небо. Из спальни доносились осторож-

ные звуки – Морриган двигалась, что-то делала. Каждый такой шорох отдавался во мне спазмом, пока я не почувствовал вибрацию в кармане.

Гермиона:

>Доктор может принять через два часа.

>P.S. Клиника на Палмер-сквер, 12. Я подъеду

Я:

>Спасибо.

†††

Дорога до клиники прошла в молчании. Морриган согнулась на пассажирском, завёрнутая в мою толстовку «Blackwood», которая ещё с осени перекочевала в её владение, а голубые глаза прятались за тёмными линзами старых солнцезащитных очков, найденных в бардачке. Она привалилась виском к стеклу и за всю дорогу не проронила ни звука. Я врубил печку на максимум, но её всё равно потряхивало. Меня трясло не меньше. Я не знал, о чём она думает. Боялся даже представить. Но самое ужасное: я понятия не имел, как ей помочь.

Что я могу сказать? «Ангел, не волнуйся, всё будет хорошо?» Ни черта не будет хорошо. Мы едем к врачу, который зафиксирует, как её изнасиловали и после этого нам придётся жить дальше. Делать вид, что мир не рухнул.

Я смотрел на дорогу и думал, как вытащить её из той чёрной дыры. Мыслей по этому поводу не было – я просто не

знал, возможно ли это вообще. Но если бы можно было забрать хоть каплю её боли, чтобы ей немного стало легче, я бы без раздумий осушил всё без остатка.

Конечно, это всё сказки. В реальном мире так не бывает. Здесь вообще мало чего хорошего. Даже то самое чувство, которое я испытал с ней, в итоге разбило меня сильнее, чем что-либо за всю мою проклятую жизнь.

Мысли прервались, когда я въехал на огороженную укромную территорию. Клиника на Палмер-сквер оказалась небольшим частным центром с неприметной вывеской и тонированными стёклами. Я свернул на парковку и сразу заметил Джилл. Она уже ждала нас, облокотившись на капот своей машины. Увидев мою, Джилл затушила сигарету о ближайшую урну и зашагала навстречу. Я заглушил двигатель и опустил стекло.

– Привет, – тихо произнесла Джилл, заглядывая в салон. Морриган даже не повернула головы. – Я провожу.

– Спасибо.

Я вышел из машины, обошёл и открыл пассажирскую дверь. Морриган, держась за живот, осторожно выбралась из салона. Она пошатнулась, но Джилл тут же подхватила её под руку.

– Я... – челюсть сжалась сама по себе, глядя на Морриган. Я сделал глубокий вдох и закончил уже на выдохе: – Здесь подожду.

Джилл кивнула и повела её к дверям. Я захлопнул дверцу,

глядя им вслед.

Две самые близкие мне девушки. Одна – в элегантном пальто, а вторая – в бесформенной толстовке, едва переставляющая ноги. Джилл будет рядом с ней вместо меня. Пока чужие люди будут осматривать самое дорогое, что у меня есть, я буду стоять здесь, как долбаный истукан.

Внутри заворочалось тёмное и бессильное бешенство. Я тут же достал пачку сигарет и закурил, прислонившись к дверце. Парковка была почти пуста, а я пытался зацепиться за реальность хотя бы ушами, лишь бы не думать. Получалось не сразу, но мысли в голове немного затихли под редкий шорох шин за забором, пока я курил одну за одной, почти не замечая вкуса. «Счастье» было мимолётным – на пятой сигарете в голове загремело два имени, как заголовки таблоидов.

Первое: «Оуэн». Отец не должен узнать о Морриган. Во всяком случае, не сейчас. А если он узнает о том, что случилось... Блять, нет. Не хочу даже думать.

Второе: «Итан». Где он? Что он делает? Осознаёт ли этот урод, что натворил?

Я достал телефон, держа сигарету в зубах.

Я:

>Итан с вами?

Ответ пришёл почти сразу.

Чарли:

>Нет. Не появлялся ни в квартире, ни на парах.

>Дженс, что происходит? Ты сам-то где?

«Что происходит»? Блять, как объяснить, что происходит? Как сказать тебе, Армс, что я убью его, как только он попадётся мне на глаза?

Я помедлил, затягиваясь сигаретой, обдумывая нейтральный ответ.

Я:

>Нам нужно поговорить. После пар.

>Я заеду к вам.

Чарли:

>Ок.

>Через час будем там.

Я убрал телефон в карман и закурил следующую. Сигареты заканчивались, но останавливаться не хотелось. Череп трещал, перед глазами всё плыло от недосыпа, но я знал, что сейчас нельзя отключаться. Признаться, был уверен, что «отключиться» получится далеко не в обозримом будущем.

†††

Осмотр длился вечность. Час, а может, и дольше. Когда дверь клиники наконец отворилась и появилась Джилл, ве-

душая Морриган под руку, я выпрямился и выкинул очередной окурок в сугроб. Морриган казалась мне бледнее, чем до приёма. Возможно, потому что сейчас очки не скрывали половину её лица. Она двигалась медленно, опустив голову, и я видел, как дрожат её плечи под толстовкой. Джилл что-то негромко ей говорила, но та, по ходу, даже не слушала.

– Джилл, – окликнул, когда они поравнялись со мной. – Если не сложно...

Я запнулся.

Имею ли я право просить об этом? Она и так стоит сейчас здесь с нами. Она и так сделала слишком много и продолжает делать. Но... выбора, как всегда, сука, нет.

– Мне надо отъехать ненадолго... Она побудет у тебя?

Джилл посмотрела на меня без тени вопроса или укора и уверенно кивнула.

– Без проблем.

– Я знаю, что у тебя много дел в...

– Работа никуда не сбежит. – Джилл мягко перебила меня. – Считай, это мой внеплановый отпуск. Хоть и повод... кошмарный.

Я перевёл взгляд на Морриган. Она смотрела куда-то в сторону, и, кажется, даже не слушала наш разговор. Я шагнул к ней и осторожно коснулся её руки.

– Морриган, я скоро вернусь, – тихо сказал я. – Ты пока побудешь у Джилл. Хорошо?

Она медленно повернула голову, и я опять заметил этот

короткий сбой. Глаза её сначала упёрлись в моё лицо и замерли, будто натыкаясь на невидимую преграду, но потом метнулись к шее. Зацепились. И лишь после этого зрачки чуть расслабились, а веки едва заметно дрогнули в знак согласия. Я сжал её пальцы на секунду, потом отпустил и отошёл к машине. Открыл дверь, но не торопился нырнуть в салон. Я смотрел, как Джилл вела её к своей машине, усаживала на пассажирское сиденье, заботливо поправляла ремень безопасности.

Когда Ford отчалил с территории, я сел за руль, завёл двигатель и рванул в сторону «Элис».

Дорога заняла от силы пять минут. Наверное. Сложно было ориентироваться в пространстве и времени – я даже не помнил, как поднялся на этаж. Входная дверь поддалась без стука, и я шагнул внутрь. В прихожей вперемешку валялись кроссовки, на кухонном столе сиротливо стояли пустые банки из-под колы. Жизнь здесь текла своим чередом, не подозревая, что где-то в этой реальности произошла катастрофа.

Я закрыл за собой дверь и прошёл вглубь квартиры, остановившись в кухне напротив гостиной. Мэтт сидел на диване, с телефоном в руках, Чарли – в кресле, с ноутбуком на коленях. Оба подняли головы, когда увидели меня, и по их лицам читалось, что они уже поняли: случилось что-то серьёзное. Чарли закрыл ноутбук и отложил его в сторону, а Мэтт поднялся с места.

– Дженс, – начал он осторожно. – Хреново выглядишь,

братан. Ты куда пропал?

Я прислонился к кухонному островку спиной, глядя на них, и не знал, с чего начать.

Два наших общих друга. Чарли, с которым я сел за одну парту четыре года назад, и Мэтт, с которым первые полгода дрался Итан. За четыре года мы стали почти семьёй, проводили всё свободное время вместе: устраивали вечеринки, смотрели матчи между «Никс» и «Селтикс», спорили, шутили... Это было совсем недавно, но, кажется, будто в другой жизни. Как сказать им, что их друг, он же мой грёбаный брат...

– Итан изнасиловал Морриган.

В квартире повисла абсолютная тишина. Мэтт замер с открытым ртом, а Чарли медленно поднялся с кресла.

– Итан... что? – выдохнул Мэтт севшим голосом. – Дженс, ты...

– Позавчера, в моей квартире, – продолжил я, не давая себе остановиться. – Пока я был в Нью-Йорке, он проник и...

– Блять, не продолжай, – Чарли не дал договорить, а я мысленно сказал ему «спасибо».

Мэтт рухнул обратно на диван, закрывая лицо руками. Я видел, как он борется с собой, разрываясь между «нежеланием верить» и «очевидностью фактов», но решил дать время, чтобы он переварил услышанное.

– Мы... – голос Мэтта дрогнул. – Мы видели её в тот вечер. Морриган.

Я напрягся.

– Где?

– В «Лоренс», – ответил Чарли, хмурясь и растирая лоб.
– Ада забыла телефон у вас, Дженн позвонила Морриган... Мы заскочили буквально на минуту, Морриган вынесла телефон, и мы уехали.

– Выходила из квартиры, – медленно проговорил я, соединяя в голове кусочки пазла. – Дверь не закрыла... Вы не видели его тачку на парковке?

Мэтт замотал головой, не отнимая ладоней.

– Темно было. Мы на минуту, я даже не всматривался. Просто подъехал, Ада забрала телефон и мы уехали. Дженс, прости, я...

– Ты не виноват, – твёрдо перебил я. – Никто из вас не виноват.

– Как он мог? – голос Чарли звенел от сдерживаемой ярости. – Как он мог так с ней? Она же... она ничего ему не сделала. Она же просто... девочка.

– Без понятия, – в горле встал ком, но я заставил себя говорить спокойно. – Без понятия, что в его пустой башке перемкнуло.

Повисла тяжёлая пауза. Чарли подошёл к окну и замер, глядя на улицу. Мэтт оставался сидеть, уронив голову на руки.

– Дженс, – вдруг позвал Чарли, не оборачиваясь. – А как он вообще узнал, где она? Ну, в смысле, что она у тебя?

Я нахмурился.

— Вот это я и пытаюсь понять. Это самый главный вопрос для меня, — я сжал переносицу, пытаюсь унять пульсирующую в голове боль. — Знали вы, Джилл и...

— Стоп, — перебил Чарли и резко обернулся. — Дженнифер выкладывала сторис в тот вечер. Фотку с колпаками, с Морриган в короне. Она не указывала место, но по фону было понятно, что это «Лоренс».

Я замер.

«Фон». На том снимке была видна часть интерьера. Итан был однажды в этой квартире, и знал, как она выглядит. Он мог просто сопоставить.

— Блять, — выдохнул я.

— Мы ничего не говорили, Дженс, — твёрдо сказал Чарли, глядя мне в глаза. — Клянусь. Ни слова.

Знаю. Я уверен в вас на все двести. Это моя вина. Только моя. Я не отправил её в «Мэйти», и оставил одну, даже не думая о том, что такое может произойти. Я уехал в полной уверенности, что Итан будет у меня на глазах. Я, зная своего брата, не допустил даже мысли, что что-то может пойти не так. Зная, что он ходячая, непредсказуемая бомба. Если бы только она закрыла дверь... Боже.

— Я прошу вас только об одном, — я перевёл взгляд с Чарли на Мэтта. — Молчите. Никому ни слова.

— Ты же знаешь нас, но Дженс, — Мэтт поднял голову. — А что... что ты будешь делать?

Убью его. Я убью его на хрен, Мэтт.

– Не знаю, не решил. Голова гудит, – я направился в сторону выхода, но прежде чем открыть дверь и выйти, добавил: – Если он объявится... Сразу мне.

Я вышел из квартиры и почти сбежал по ступеням.

Вернувшись в машину, я не сразу завёл двигатель. Переключивал мысли с места на место, глядя в одну точку за стеклом, и никак не мог сложить всё воедино. Наверное, я просидел так час. Веки тяжелели, мозг отказывался работать в привычном режиме, а я пытался перебить сон никотином. И только когда последняя сигарета была выкурена, я тронулся с места.

Купить сигареты. Забрать Морриган.

†††

Когда я подъехал к дому недалеко от кампуса, где жила Джилл, уже темнело. Серый февральский день плавно перетекал в ещё более жизнерадостный вечер. Я по памяти поднялся на третий этаж, позвонил в дверь. Джилл открыла почти сразу и, не задавая вопросов, провела в гостиную.

Она снимала маленькую, уютную и светлую квартиру с начала третьего курса. Взгляд невольно скользнул по книгам на стеллажах, по торшеру в углу. Рядом на подоконниках стояли цветы, а на мягком диване сидела Морриган. Её руки держали кружку с чаем, а глаза упёрлись в телевизор, по которому фоном шла какая-то передача. На мой приход было ноль целых ноль десятых реакции.

– Чаю? – тихо предложила Джилл.

Я покачал головой.

– Джилл, – я перевёл взгляд на неё, и опустил голос до шёпота. – Что там... что сказал врач?

Джилл бросила короткий взгляд на Морриган, потом на меня. В её глазах читалась такая же боль, что грызла меня изнутри, только чуть приглушённая и спрятанная гораздо глубже. Она подошла к журнальному столику, взяла сложенный лист бумаги и протянула мне.

– Дженсен, там... – начала она осторожно. – Прочитай сам, как будет время.

Я взял лист, даже не взглянув на него, и сунул в задний карман джинсов. Потом подошёл к дивану и протянул руку Морриган. Она подняла на меня глаза, в которых всё ещё была та же пустота, но послушно поставила кружку на столик. Взяла меня за руку и поднялась. Джилл проводила нас до двери, на пороге я обернулся. Кивнул в знак прощания и благодарности, и вывел Морриган за собой.

С третьего этажа мы спускались очень медленно. Я держал руку на пульсе, готовый подловить её, если она оступится. Но, ничего такого не потребовалось. Спустя вечность мы оказались на улице. Благо, я бросил Audi почти у входа – через какую-то минуту мы уже были в салоне. Морриган на автомате пристегнулась, я завёл двигатель и тронулся с места.

Всю дорогу она, уткнувшись лбом в стекло, молчала и смотрела, как за окном проплывают здания Принстона. Я с

осторожностью вёл машину, объезжая даже самую ничтожную ямку на асфальте, то и дело бросая на неё проверочный взгляд. Печка работала на совесть, но я всё равно замечал краем глаза, как её потряхивает. Не исключено, что мне это просто казалось. Я уже перестал понимать, где мои ощущения, а где её, которые я впитывал, как губка.

Я припарковался у дома. Минут через пять мы вошли в лифт. Я украдкой посмотрел на Морриган, пока она сжимала пальцы в замок, уставившись в пол, и думал о «правильности» происходящего.

Может, надо было оставить её у Джилл?

Я перевёл взгляд на цифры – лифт проехал второй этаж.

Нужно искать другую квартиру. Завтра же с утра.

Лифт остановился на третьем этаже. Выйдя из него, я открыл дверь своим ключом, и мы вошли в квартиру. Я включил свет в прихожей, снял куртку, повернулся, чтобы помочь ей раздеться, и замер.

Морриган стояла в дверях как вкопанная и смотрела перед собой. Я видел, как меняется её лицо. Как расширяются зрачки, а дыхание становится слишком частым. Её руки первыми задрожали.

– Нет, – выдохнула она. – Нет-нет-нет...

– Морриган.

Я шагнул к ней, протягивая руку, но она резко отшатнулась. Вжалась спиной в дверь и вдруг закричала:

– Не трогай меня! Уходи! Уходи, пожалуйста!

Её крик ударил меня в грудь с такой силой, что я на секунду ослеп.

– Ангел, посмотри на меня, – я поднял руки ладонями вверх. – Это я. Дженсен. Здесь никого нет, только я.

– Не трогай меня!

Она не слышит. Она смотрит сквозь меня, в гостиную, и видит там его. Видит тот вечер, когда он вошёл, когда напал, когда... Сука, я убью тебя.

Я шагнул ближе, и она забилась в истерику, пытаюсь сползти вниз по двери. Я на секунду растерялся, но инстинкт подсказал взять себя в руки. Я сделал ещё шаг, осторожно, но крепко взял её за плечи и приподнял, заставляя смотреть в глаза.

– Морриган, посмотри на меня!

Собственный голос прозвучал резче, чем хотелось, но это сработало. Она моргнула, взгляд на долю секунды прояснился, а потом заметался по лицу. Голубые глаза зацепились за шею и упёрлись в неё. После Морриган перевела взгляд выше, и тело немного обмякло.

– Это я. Дженсен. Видишь? Здесь только ты и я. Никого больше нет.

Она смотрела на меня, и слёзы из её глаз хлынули с новой силой. Губы задрожали – она пыталась что-то сказать, но не могла. Я притянул её к себе, обнял, прижимая голову к груди, и чувствовал, как она колотится всем телом.

– Тише, – прошептал я, глядя её по спине. – Тише. Всё

хорошо. Я тут. Я никуда не уйду.

Не знаю, сколько мы так простояли. Минуту. Пять. Десять. Она плакала навзрыд, вцепившись в мою футболку, а я держал её и понимал, что здесь мы остаться не можем.

Это место пропитано её кошмаром. Если мы останемся, она сломается окончательно.

– Хочешь уедем? – спросил я тихо, когда рыдания стихли, перейдя в слабые всхлипывания. Она подняла голову, посмотрела на меня покрасневшими, опухшими глазами и кивнула. – Хорошо, мы уедем. Прямо сейчас уедем, – я взял её лицо в ладони. – Я только быстро возьму кое-что и мы уедем, да?

Она закивала, отстраняясь, и принялась тыльной стороной ладони яростно стирать мокрые дорожки. Я в эту же секунду рванул в нашу спальню. Достал из шкафа небольшую спортивную сумку, сгребая в неё вещи с полок. Я даже не смотрел, что именно беру с собой, в сумку летело всё, к чему притронулась рука. Обернулся к кровати и заметил там её телефон. Я схватил его тоже, вместе с зарядкой на тумбочке, и кинул в сумку. Следом заскочил в ванную, сгребая наши зубные щётки и тюбик зубной пасты. В прихожей набросил на себя куртку, схватил бумажник, ключи и вывел Морриган в коридор. Я запер входную дверь и мы, спустившись на лифте, снова вышли на парковку.

†††

Я ехал без цели. Просто нарезал круги по сумеречному

Принстону, потом выкатился за город. Морриган сидела рядом и молча пялилась в окно.

Куда ехать?

Огни города остались позади. Потянулись тёмные поля, редкие придорожные кафе, заправки. Я уже думал развернуться и ехать в какой-нибудь отель в центре, когда свет фар выхватил придорожный щит.

«Мотель «Кленовый лист». 0,3 мили. Недорого. Чисто».

Я свернул.

Мотель оказался именно таким, как я и предполагал: не самым «стрёмным», не самым дорогим, но и не люкс в «Плазе». Двухэтажное здание, машины на парковке, противный жёлтый свет в окнах. Я остановился у входа, попросил Морриган подождать и пошёл оформлять номер. Администратор в лице пожилой женщины в очках даже не подняла глаз, когда я расплачивался наличными и брал ключ.

– Номер двенадцать. На втором этаже. Буфет на первом открывается в семь утра, – пробормотала она и уткнулась в журнал.

Я забрал ключ и вышел на улицу. Вытянул с заднего сидения сумку и открыл пассажирскую дверь. Морриган выбралась из машины, как привидение, и осторожными шагами мы направились к лестнице.

Номер был маленьким, но, опрятным. Две кровати, тумбочка между ними, старый телевизор, зашторенные окна. Морриган вошла, остановилась посередине и замерла.

Она снова видит что-то? Снова видит его? Что, блять, здесь может напомнить?

– Здесь... здесь нормально? – выдавил я вместо того, что билось в моей голове.

Морриган кивнула, прошла дальше и села на ближайшую кровать. Я поставил сумку на пол, наблюдая, как она стаскивает с себя сначала куртку, потом толстовку. Немного жмурясь, она осторожно легла на кровать боком, поджав ноги, и уткнулась в стену. Я сел на вторую кровать. Смотрел на неё и молчал.

О чём она думает? Что творится у неё внутри? Как я могу помочь ей?

Время тянулось резиной. Час, второй. Морриган не спала, продолжая сверлить взглядом потолок. Потом её плечи начали вздрагивать, и она отвернулась к стене. Через несколько секунд уткнулась лицом в подушку и беззвучно заплакала.

– Я не знаю... – прошептала она еле слышно. – Я не знаю, как... жить дальше.

Я пересел на её кровать и осторожно положил руку ей на плечо. Морриган не отшатнулась, продолжая тихо плакать.

– Мы справимся, – сказал я, хотя сам в эти слова не особо верил. – Морриган, мы со всем справимся.

Она не ответила, а я и не ждал ответа. Поднявшись, я взял стакан с подноса и прошёл в ванную. Набрал из-под крана воду в него и вернулся обратно. Пока она лежала в той же позе, свернувшись калачиком, я достал из кармана пузырёк

со снотворным, протянул ей таблетку и стакан воды. Морриган обернулась и послушно выпила, даже не взглянув на меня. Через пятнадцать минут она уснула.

Часы показывали половину одиннадцатого ночи. Я слышал, как за окном завывал ветер, где-то вдалеке проехала машина, и понимал, что не усну. Каждый раз, закрывая глаза, я видел её лицо на том снимке. Или представлял, что было в той квартире, пока я подписывал контракт, думая, что всё под контролем.

Когда её дыхание стало ровным, я поднялся с кровати и направился к двери. Вытащил из сумки её телефон, поставил его на зарядку, положив на тумбочку между кроватями. После набросил куртку и тихо вышел на улицу. Достал сигарету, чиркнул зажигалкой и закурил, глядя на пустую парковку и редкие огни шоссе вдалеке.

«Мы справимся». А как нам, блять, справиться? Что мне сделать, чтобы помочь ей? Психолог? Да, безусловно, ей нужен психолог, но он не появится по щелчку. Его нужно найти... А когда найду? Он не починит её за один сеанс. Как она вернётся к учёбе? Как она будет отвечать на вопросы своих любопытных друзей? Её телефон был разряжен... А если звонили её родители? Как она будет разговаривать с матерью, если даже мне отвечает одними кивками? Блять, вопросов – куча, ответов – ноль. И всё из-за тебя. Что, ты, сука, натворил?

Я докурил сигарету и тут же достал следующую. Пряча

зажигалку в задний карман джинсов, пальцы наткнулись на сложенный лист бумаги.

Заключение врача. Я совсем забыл про него.

Держа сигарету в зубах, я достал документ и развернул его. Свет от фонаря над дверью мотеля падал прямо на бумагу, и я начал читать.

Заключение гинекологического осмотра пациентки Баттлер М. от 19.02.2026.

Клиническая картина:

В результате осмотра выявлены множественные повреждения слизистой влагалища, характерные для грубого вагинального контакта, произошедшего, предположительно, в период 24-48 часов до осмотра.

Диагноз:

Разрыв девственной плевы. Множественные микротрещины слизистой.

Проведённые процедуры:

Хирургическая обработка ран, наложение рассасывающихся швов на область разрывов влагалища (3 шва). Гемостатическая терапия.

Рекомендации:

- 1. Постельный режим – 3-5 дней.*
- 2. Антибактериальная терапия (Амоксициллин 875 мг + Клавулановая кислота 125 мг 2 раза в день – курс 7 дней).*
- 3. Противовоспалительная терапия (Ибупрофен 400 мг*

при болях).

4. Явка на повторный осмотр через 10 дней.

5. Половой покой до полного заживления тканей (минимум 4-6 недель).

Особые рекомендации:

Пациентке требуется наблюдение гинеколога для контроля заживления. Учитывая характер и глубину повреждений, существует риск развития осложнений в будущем, включая формирование рубцовой ткани, что может привести к диспареунии и, в отдалённой перспективе, к проблемам с зачатием и вынашиванием беременности. Рекомендовано динамическое наблюдение.

Врач: (подпись) Элеонора В. Кляйн.

Я читал и не верил своим глазам. Строки расплывались, но я моргал и заставлял себя вчитываться в каждое слово. Надеялся, что мне это просто кажется, но надежда умирала с каждой строчкой. На третьем кругу медицинский текст из «диагноза» превратился в «приговор».

«Разрыв». «Швы». «Риск осложнений». Он её искалечил. Физически. Внутри. Три шва там, куда я боялся даже мысленно заходить без её разрешения.

Я прислонился спиной к стене мотеля, закрыл глаза и затянулся. Сигарета дрожала в пальцах, а перед глазами стояла она.

Моя Морриган, которую я нашёл вчера днём на холодном

полу ванной.

Моя Морриган, которая сегодня утром пила кофе невидящими глазами.

Моя Морриган, которая кричала в прихожей, потому что увидела его в пустой комнате.

Я не знал, сколько простоял так. Сигарета истлела до фильтра, обожгла пальцы, и я выкинул её. Руки тряслись, когда я доставал следующую. В голове гудело от мыслей, а я отказывался верить, что это не сон.

«Риск осложнений». Он отнял у неё не просто первый раз... он превратил её возможность стать матерью, если она когда-нибудь этого захочет, в лотерею с хреновыми шансами. И зачем? Чего ты хотел добиться этим? Какого хрена ты вообще припёрся той ночью в наш дом? Что, блять, в твоей голове, Итан?

Я открыл глаза и посмотрел на звёзды, которых почти не было видно из-за облаков. Вопросы копились в голове, а ответов не было ни на один. Все мои попытки объяснить случившееся с грохотом летели вниз, как летят камни со скалы. Без возможности схватить хотя бы один.

Говорят, близнецы чувствуют друг друга. Боль, радость, опасность – всё общее. Я не чувствовал его уже много лет. Наверное, потому что внутри него не осталось ничего, что можно было бы чувствовать. Пустота. Тьма. И теперь эта тьма накрыла её.

Я сжал лист бумаги в кулаке, потом расправил, сложил и

спрятал в карман, но уже куртки.

Это будет лежать рядом с синей коробочкой, которую я так и не подарил. Рядом с флешкой, на которой записано, как он входит в наш дом. Рядом с фотографией, где её глаза полны ужаса.

Всё это станет оружием. Когда придёт время.

Я выбросил окурок и зашёл обратно в номер. Морриган спала, сжавшись в комочек на своей кровати. Я занял кровать напротив, прислонился спиной к стене и закрыл глаза.

Ты создал мне причину уничтожить тебя. И я сделаю это, не сомневайся. Но это будет потом. Сперва – она.

ГЛАВА 2

20 февраля 2026 года.

Коридор. Вокруг темно, но из приоткрытой двери спальни пробивается тусклый свет. Я знаю этот свет, знаю эту дверь, знаю каждый сантиметр этой квартиры, но сейчас всё кажется чужим, искажённым, будто я смотрю на мир через мутное стекло.

Оттуда доносятся звуки. Шёпот. Смех. Её смех.

Я делаю шаг вперёд, хотя каждая клетка тела кричит: «Не надо, не смотри, отвернись». Но ноги упрямо несут меня к двери, и я заглядываю внутрь. Она лежит на нашей кровати. Моя Морриган. В его руках. Итан склонился над ней, и я вижу его расслабленное, почти нежное лицо. Он гладит её по щеке, а она не отстраняется. Не кричит, не зовёт на помощь. Она смотрит на него с тем же выражением, с каким смотрела на меня.

– Тише, – шепчет он. – Всё хорошо.

Она кивает.

Я хочу закричать, хочу ворваться туда, разорвать его, вышвырнуть из нашей жизни, но я не могу пошевелиться. Ноги приросли к полу, голос умер где-то в горле, и я просто стою и смотрю, как он целует её. Как его руки касаются её тела. Как он бережно раздевает её.

Она не сопротивляется. Он укладывает её в постель, и я

вижу, как двигаются его плечи, как напрягается спина. Она закрывает глаза и прикусывает губу. Я не могу дышать. Я смотрю на это и не могу дышать. Итан поднимает голову и поворачивается ко мне. На его лице та самая пакостная ухмылка, которую я ненавижу с детства.

– Смотри, Дженсен, – сказал он тихо. – Я хочу, чтобы ты видел это. Чтобы видел всё.

И он вошёл в неё.

Морриган вскрикнула, но не от боли, а от удовольствия. Её руки обвились его шее, её бёдра поддались навстречу. Я смотрю на это, не в силах отвернуться, не в силах закрыть глаза, не в силах сделать хоть что-то, чтобы остановить этот кошмар. Итан двигается в ней. Медленно, глубоко, с той же интимной нежностью, с какой бы делал это я. Её лицо искажается от удовольствия, пока он целует её в губы, в щёки, в закрытые веки.

Мой брат трахает мою девушку.

Я вижу, как ей нравится, слышу, как она просит не останавливаться, и не могу пошевелиться. Я хочу закрыть глаза, но они не закрываются. Я хочу уйти, но остаюсь смотреть.

– Я тебя...

Я слышу последний стон Морриган, и её голова откидывается на подушку. Итан держит её за бёдра и тяжело дышит. Потом целует в уголок губ и выходит из неё. Он застёгивает ширинку, пока Морриган лежит с закрытыми гла-

зами.

Я отвожусь взгляд и вижу перед собой Итана.

— Я же говорил, что она шлюшка, а ты не верил, — он хлопает меня по плечу и проходит мимо. — Наслаждайся правдой, Дженс.

Дверь за ним закрывается с тихим щелчком. Мой взгляд возвращается к Морриган. Она сидит на кровати, прижимая к груди простыню, и смотрит на меня пустым взглядом.

— Это твоя вина, Дженсен, — по её щекам текут слёзы, но она улыбается. — Это ты виноват, Дженсен.

«Ангел, прости меня» — рвётся с языка, но я не могу произнести ни слова.

— Ты ничего не сделал. Ты стоял и смотрел, — говорит она тихо, но срывается в истеричный смех. — Это твоя вина, Дженс...

— ...сен.

Я дёрнулся всем телом, распахнув глаза. Сердце бешено стучало, меня бросило в холодный пот, и я сделал судорожный вдох-выдох. Второй раз. Третий. Взгляд врезался в потрескавшийся потолок, и несколько секунд я пытался сообщить, где нахожусь.

«Мотель». Мы в мотеле, а это был всего лишь сон. Неправда. Морриган спала на соседней кровати. Всё, что я видел — просто порождение моего больного воображения.

— Дженсен.

Я повернул голову. Морриган замерла на своей кровати, обхватив колени руками, и смотрела на меня. Волосы спутались, глаза опухли от слёз, но она смотрела на меня осмысленно. *Впервые* осмысленно за двое суток.

– Тебе... – начала она, впиваясь взглядом в мою шею. – Снился кошмар.

Это уже даже вопрос. Она знала, каково это – просыпаться в ледяном поту, когда реальность и кошмар переплетаются так тесно, что уже не разобрать, где одно, а где другое. Теперь мы оба это знали.

Кошмар – не то слово.

– Как ты? – спросил я, отменяя мысли.

Она едва пожала плечами.

– Не знаю, – ответила Морриган после долгой паузы. – Наверное... я голодна.

Я потёр ладонями лицо и понял, что так и уснул в том положении, в каком сидел несколько часов назад – прислонившись спиной к стене. Шея затекла, плечи ныли, но это была такая ничтожная боль по сравнению с тем, что творилось внутри, что я даже не обратил на неё внимания.

– Здесь где-то есть буфет, – сказал я, поднимаясь.

– Я не хочу выходить, – тут же перебила она. – Я... схожу в душ.

Я кивнул. Подошёл к сумке, которую вчера наспех собрал в «Лоренс», порылся внутри и достал две зубные щётки вместе с тюбиком пасты. Протянул Морриган её щётку. Она ме-

ханическим движением взяла её, и взгляд полностью сосредоточился на этом предмете из прошлого. Я сделал глубокий, бесшумный вдох и отвернулся.

– Я пока в ванную, – бросил я, направляясь в маленькую совмещённую комнату. – Ты... подождёшь? Я быстро.

Я обернулся к ней – Морриган кивнула в ответ, оставаясь неподвижной.

Я вошёл в ванную и включил воду на полную. Быстро, насколько мог, умылся ледяной водой, надеясь, что она хоть немного приведёт меня в чувство. Пока чистил зубы, смотрел на своё отражение в заляпанном зеркале, но не узнавал себя. Из зеркала на меня смотрел незнакомец – с запавшими глазами, двухдневной щетиной и серым цветом лица.

«Это твоя вина, Дженсен».

Голос из сна всё ещё звучал в ушах. Я зажмурился, прогоняя его, сплюнул пасту в раковину и выключил воду.

– Ты справишься, – сказал я этому незнакомцу. – У тебя нет выбора. У тебя никогда его нет.

Когда я вышел из ванной, Морриган всё так же сидела на кровати, разглядывая зубную щётку. Меня уже третьи сутки выворачивало наизнанку от того, что я видел. Или представлял слишком хорошо то, чего не знал. Но ещё больше крутило от того, что я не мог сделать вообще ничего.

– Морриган, – начал я, сам не зная, что хочу сказать.

– Всё нормально, – перебила она, не глядя на меня. – Я в душ.

Она поднялась с кровати и осторожными шагами побрела в ванную, придерживая низ живота рукой. Пока я стоял столбом посреди комнаты и смотрел на то, как она морщится, голова снова запульсировала тем бешеным ритмом, который разрывал меня последние дни.

«Три шва». Ей больно. Ей физически больно двигаться, а она идёт в душ. Нужно в аптеку. Ей нужны лекарства. Мне самому уже, блять, нужны лекарства.

– Морриган, – окликнул я, когда она взялась за ручку двери. – Ты... ты побудешь здесь? Я принесу нам что-нибудь.

Она обернулась, не глядя на меня, и кивнула. Через мгновение скрылась за дверью, тихо щёлкнув замком. Я сделал ещё один глубокий вдох, набросил куртку, проверил бумажник и вышел из номера.

На первом этаже я нашёл буфет – небольшую комнатку с парой столиков и стеклянной витриной, за которой скучала женщина в фартуке с потрёпанным детективом в руке. Я купил две булочки с корицей, нацедил из автомата два стаканчика кофе и вернулся в номер.

Морриган всё ещё была в душе. Я поставил кофе на тумбочку, прислушиваясь к шуму воды за дверью, и вдруг остро испугался.

А вдруг ей там плохо? Вдруг она упадёт? Вдруг с ней что-то случится, а я буду стоять здесь и слушать, как льётся вода, ничего не делая?

Я подошёл к двери, постучал костяшками пальцев.

– Морриган? У тебя всё хорошо?

Вода стихла. Повисла тишина, и я затаил дыхание, прислушиваясь к каждому шороху.

– Да, – донёсся наконец глухой, но ровный голос из-за двери. – Сейчас выйду.

Я выдохнул и отошёл, опускаясь на кровать. Мой взгляд уставился в окно, где небо больше походило на свинцовую крышку гроба, чем на небо. Но где-то там, за этими тучами, пряталось солнце, хоть сюда и не пробивалось.

Дверь ванной открылась, и я резко вскочил с места. Из-за двери вышла Морриган, закутанная в казённое и слишком большое для её худых плеч, полотенце. Несколько мокрых прядей прилипли к лицу, вода капала с них, стекая по шее и впитываясь в полотенце. Она посмотрела на меня и вдруг сделала шаг. Потом ещё один. Подошла вплотную и уткнулась лицом мне в грудь. Её руки вцепились в мою футболку, а сама она всем телом задрожала. Я обнял её в ответ, прижимая к себе, и мы стояли так посреди дешёвого номера мотеля, вдвоём против всего мира.

– Дженсен, – выдохнула она куда-то в район моей ключицы. – Прости меня. Прости...

Веки сомкнулись. В груди разливалось что-то горячее и одновременно ледяное – тот самый коктейль из любви, боли и бессилия, который стал моим постоянным спутником.

– Ты не виновата, ангел, – сказал я, и голос дрогнул. – Тебе не за что просить прощения.

Она резко отстранилась и посмотрела на меня снизу вверх. Мокрые ресницы слиплись, губы дрожали, а в глазах застыли слёзы, готовые вот-вот обрушиться.

– Как? – она смотрела на меня так, будто я сказал что-то невообразимое. – Как ты можешь меня... так называть?

Что? Что я сказал?

– Как «так»?

– «Ангел», – прошептала она. – Я... грязная. Я не заслуживаю этого слова.

Она опустила голову, но я увидел, как по её щеке скатилась слеза. За ней вторая. Она беззвучно заплакала, уставившись в пол. Я осторожно взял её за подбородок и поднял лицо. Заглянул в эти глаза, в которых когда-то видел столько жизни, столько огня, столько вызова, и встретил в них только боль и пустоту.

– Морриган, ты самое чистое, что есть в моей жизни, – медленно проговорил я, вбивая каждое слово ей в сознание. – Ты и есть воплощение этого слова для меня. И ничто, слышишь, ничто из того, что стряслось, этого не поменяет. Никогда.

Она смотрела на меня, а слёзы всё быстрее текли по её щекам. Она пыталась что-то сказать, но не могла – лишь открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег. А потом громко разрыдалась, уткнувшись лицом мне в грудь. Я прижал её к себе, глядя мокрые волосы, и чувствовал, как сотрясается её тело.

Я не знаю, сколько мы так простояли. Время потеряло значение. Была только она, её слёзы, её тепло и мои ладони, которые пытались если не исцелить, то хотя бы не дать ей сорваться в пропасть. Когда всхлипы поутихли, я отстранился и снова взял её лицо в ладони.

– Нам нужно перекусить, – сказал я, стирая большими пальцами слёзы. – Потом заедем в аптеку. Тебе нужны лекарства. Хорошо?

Она кивнула, шмыгнула носом и вытерла лицо тыльной стороной ладони.

– Хорошо.

Морриган отстранилась первой и направилась к кровати.

Мы пили кофе молча. Морриган, закутавшись в одеяло поверх полотенца, сидела на кровати и отщипывала от булки крошечные кусочки. Я сидел напротив, цедил свой кофе и не сводил с неё глаз. Каждое движение, каждый глоток отдавались во мне болью, но я не отворачивался.

Она уже выглядит почти живой. Ест сама, хоть и с трудом. Это уже один из тех ничтожных по размерам шагов, которые нам предстоят. И следующий шаг – квартира. Нужна квартира сегодня же.

Я вынул из кармана телефон и открыл браузер. Зашёл на самый первый сайт в поиске и принялся листать объявления об аренде. Нужно было найти что-то небольшое, но чистое и желательно светлое. А главное – не похожее на «Лоренс». Без панорамных окон, без минимализма, без тех острых углов,

за которые могли зацепиться её кошмары.

Экран на тумбочке вспыхнул, привлекая внимание. Я поднял глаза и увидел телефон Морриган, который я вчера поставил на зарядку. Она тоже посмотрела на него, замерев с кусочком у рта, а её плечи тут же напряглись

– Морриган...

– Я знаю, – перебила она. – Надо ответить. Да.

Она потянулась за телефоном, взяла его в руки и уставилась на экран. Я смотрел, как её палец скользит по стеклу, как она читает сообщения, как что-то печатает в ответ. Лицо её оставалось непроницаемым, но я видел, как подрагивают уголки губ. Я отвернулся, давая ей видимость уединения, и вернулся к своему телефону.

На глаза попала одна квартира на Нэссау-стрит, почти напротив кампуса. Пятиэтажное старое здание, без лифта, с высокими потолками и большими окнами. В объявлении было написано: «Уютная квартира, рядом с университетом».

Я нажал «сохранить» и услышал, как Морриган отложила телефон.

– Ада спрашивает, – сказала она тихо. – «Ты там жива?»

Я вскинул бровь.

В смысле? Она знает уже? Мэтт сказал?

– Имеет в виду... – она запнулась, подбирая слова. – Ну, мы должны были... вернее, я хотела... чтобы когда ты приедешь...

«Должны были». «Я хотела». «Когда ты приедешь».

Блять. Я не знал, что она хотела, что она созрела к этому. А теперь...

Я отогнал мысль, не дав ей оформиться.

– Что ты ответила?

– Что всё в порядке. Что я... приболела и вернусь на учёбу.

В понедельник или во вторник.

Я смотрел на неё и понимал, как ей тяжело даётся это при-
творство. Как она сидит, сжавшись в комок, и пытается убе-
дить весь мир, что она в порядке.

– Морриган, – позвал я осторожно. – Ты уверена? Может
не стоит так спеш...

– Я хочу исчезнуть, – она резко перебила, но голос тут же
опустился до шёпота. – Провалиться сквозь землю. Чтобы
никто никогда не смотрел на меня. Но тогда все заметят, а
я не хочу, чтобы все заметили, – Морриган сделала паузу и
подняла на меня глаза. – Я не хочу... чтобы тебя в чём-то
обвинили.

*Она... боится? За меня? Если кто-то узнает, то обяза-
тельно спросит: «А ты где был? Почему не уберёг?». Ангел,
ты боишься... этого?*

– Мне плевать. Пусть обвиняют. Кто угодно и в чём угод-
но. Я приму любой удар.

– Нет, ты не можешь пережить это за меня, Дженсен, –
тихо сказала она. – Я справлюсь. У меня нет выбора.

*«Нет выбора». Она, как и я, признаёт, что вариантов
два: «прятаться» или «выживать». Она так же, как и я,*

выбрала «выживать». Значит, мы будем выживать вместе.

Вопреки собственным мыслям я хотел возразить, что «выбор есть всегда», но она смотрела на меня так, будто уже всё решила. И я промолчал.

†††

Мы подъехали к пятиэтажке на Нассау-стрит через час. Я припарковался у входа и заглушил двигатель. Морриган оглядела здание, потом перевела взгляд на меня. В глазах читался вопрос, но она молчала.

– Мы не вернёмся туда, – сказал я, уводя взгляд на облезлую арку старинного дома. – Ни сегодня, ни завтра. Никогда. Это исключено.

Я обернулся к ней. Она молчала несколько секунд, потом кивнула.

– Мама звонила, – сказала она тихо, глядя на телефон в руках. – Я написала ей, что занята на занятиях, перезвоню позже.

Шеннон. Её мать, которая, уже что-то подозревает, потому что матери всегда подозревают. Наверное. Я не знаю, но думаю, это так. Как она будет разговаривать с ней? Как будет отвечать на простые вопросы о том, как прошёл день? Как она отметила? Блять...

Мой телефон зазвонил.

– Да, – ответил я, глядя на здание. – Мы ждём вас. Красная тойота? – мой взгляд пробежался по припаркованным

машинам. – Да, вижу. Выхожу.

Я сбросил звонок и повернулся к Морриган.

– Морриган... нужно посмотреть квартиру. Ты со мной?

Она смотрела на здание, но не спешила отвечать, наверняка о чём-то думая. По ощущениям это длилось вечность, но я смиренно ждал, не переспрашивая.

– Да, – выдохнула она наконец.

Я вышел из машины, обошёл капот и открыл дверь Морриган. Моя рука потянулась, чтобы помочь ей, но она покачала головой и поднялась с кресла сама. Я сжал челюсть, но ничего не сказал. Заблокировал двери брелоком и направился в сторону входа, стараясь идти вровень её коротким, медленным шагом.

У входа нас ждала женщина средних лет с удивительно добрым лицом. Когда мы приблизились, она окинула Морриган быстрым взглядом, потом перевела взгляд на меня и, кажется, сделала вид, что мы не выглядим подозрительно.

– Четвёртый этаж, лифта нет, – предупредила она, открывая дверь. – Но вид из окон чудесный, особенно с кухни. Весь кампус как на ладони.

Мы поднялись пешком. Морриган шла медленно, держась за перила, словно каждое движение давалось ей через боль. Но она всё равно шла. Сама. Без моей помощи.

Квартира открылась ключом с витым брелоком, и мы вошли внутрь.

Первое, что я отметил – свет. Неприлично много света.

Большие окна, белые стены, деревянные полы. Хозяйка показала сначала кухню. Небольшая комната с белым гарнитуром и деревянной столешницей, которая под окном переходила в маленький стол со стульями. Вид из окна – прямо на кампус, на шпиль часовни, на знакомые очертания университетских зданий. После мы вернулись в коридор и прошли мимо входной двери, к гостиной. Там – мягкий бежевый диван напротив ТВ-тумбы, а прямо на ней плазменный телевизор. Несколько картин на стенах, а часть паркета скрыта ковром с геометрическим узором. После гостиной мельком показала спальню с двухместной кроватью. В одном углу – шкаф и зеркало в пол, в другом – письменный стол у окна, выходящего на тихий зелёный двор. Я ещё раз прошёлся по комнатам, отмечая каждую деталь.

Не моё. Я терпеть не могу этот скандинавский стиль с его псевдо-уютом, с этими пледами, подушками, картинками на стенах, которые создают «атмосферу». Я привык к минимализму, к пустоте, к... «Лоренс». Но здесь определённо что-то есть. Напоминает мне... дом Баттлеров в Лейквуде, точно.

– Как тебе? – спросил я, поворачиваясь к ней.

Морриган остановилась посреди гостиной и медленно обвела взглядом комнату. Потом посмотрела на меня.

– Здесь... нормально.

«Нормально». Она не сказала «хорошо», не сказала «нравится», но и не сказала и «нет». Значит, можно остаться

здесь. Хотя бы на первое время. Но «первое время» сейчас может быть и два дня, а может быть и несколько месяцев.

Я кивнул и повернулся к хозяйке.

– Нам подходит. Надолго.

Женщина удивлённо подняла брови.

– Вообще-то я сдаю помесечно, но если вы планируете...

– Надолго, – повторил я за неё. – Давайте договор.

Мы подписали типовой бланк за пять минут. Я достал бумажник, отсчитал купюры и протянул женщине.

– Аренда полторы тысячи в месяц, – растерянно сказала она, глядя на купюры.

– Мне проще заплатить сразу за пару месяцев. Чтобы не думать. Учёба, знаете ли.

Она посмотрела на меня, потом на Морриган, стоящую у окна, и в её взгляде мелькнуло что-то похожее на понимание. Она не стала задавать вопросов, взяла деньги, оставила ключи на тумбочке в прихожей и ушла.

Мы остались одни. В новой квартире.

Морриган ходила по комнатам, открывала шкафчики, трогала стены, заглядывала в каждый угол. Я молча следил за ней, как за ребёнком, впервые попавшим в зоопарк. Она не выглядела «нормальной» – слишком застывшее лицо, слишком осторожные движения и слишком пустой взгляд. Но уже хотя бы не смотрела в одну точку часами.

Надолго ли она вынырнула в реальность?

– Я перевезу вещи сам, – сказал я, глядя, как она распа-

хивает очередную дверцу. – Чуть позже.

Морриган кивнула, продолжая изучать квартиру. Я не стал терять времени и достал телефон. Наспех заказал доставку продуктов, бросая в корзину самое необходимое на пару дней: молоко, яйца, хлеб, фрукты и полуфабрикаты, чтобы не тратить силы на приготовление еды. Пока я возился с приложением, Морриган вышла на кухню и замерла у окна. Она смотрела на кампус. На башни университета, на зелёные крыши, на редкие фигурки студентов, спешащих по своим делам. Там, внизу, текла обычная, нормальная жизнь, в которой не было места тому, что случилось с ней.

Я осторожно подошёл сзади. Остановился в шаге, не решаясь прикоснуться, и смотрел на её отражение в стекле.

– Думаешь, получится забыть? – тихо спросила она, не оборачиваясь.

Нет, ангел, не получится. Ты будешь просыпаться по ночам от кошмаров и вздрагивать от каждого резкого звука. Со мной будет то же самое – я уже не хочу засыпать. Не хочу оставлять тебя одну даже пока сплю. Но я не скажу тебе этого. Ты не должна бояться жить дальше.

– Морриган, не думай об этом, – начал я, прикладывая зверские усилия, чтобы голос звучал уверенно. – Это будет нелегко. Очень нелегко. Но мы будем стараться. Обещаю.

Она обернулась и посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом. Глаза сперва упёрлись в моё лицо, потом метнулись к татуировке, и лишь затем вернулись к глазам. Мор-

риган шагнула вперёд, прижалась всем телом, уткнулась носом куда-то в ключицу и застыла. Я обнял её в ответ, чувствуя, как неровно и быстро колотится её сердце.

Мы стояли так несколько минут под доносившиеся за окном звуки обычной жизни, пока Морриган первой не нарушила тишину.

– Дженсен, – выдохнула она мне в шею. – Что со мной?

Я замер, а мозг принялся искать варианты.

Она спрашивает про заключение? Сказать ей правду? Сказать, что врачи наложили ей три шва, что ей нужны антибиотики, что есть риск никогда не стать матерью? Или соврать? Прикрыть эту правду ложью во спасение, чтобы не добивать её сейчас, когда она и так едва держится на ногах?

– Ты... ранена, – выдавил я, немного отстраняясь, чтобы видеть её лицо. – Но всё будет хорошо. Тебе нужно принимать лекарства и беречь себя. Всё остальное – потом.

Морриган подняла голову, посмотрела мне в глаза и через несколько секунд кивнула. Я не знал, поверила ли она в мои слова, но сам бы я не поверил.

Раздался отрывистый звонок в дверь, и Морриган тут же вздрогнула всем телом. Её пальцы вцепились мне в руки, а взгляд сфокусировался на краешке двери, видневшемся из широкой арки, с таким ужасом, будто в гости пожаловал сам дьявол.

– Это доставка продуктов. Ангел, это просто доставка.

Она смотрела в одну точку ещё несколько секунд, потом медленно выдохнула и кивнула.

Я прошёл к двери, открыл её. На пороге с терминалом и парой пакетов со скучающим видом стоял парень, с виду младше Морриган. Я молча приложил карту, принял пакеты и закрыл дверь. Когда я вернулся на кухню, Морриган стояла на том же месте у окна и смотрела на кампус. Но плечи её уже не были так напряжены.

– Я помогу разобраться, – произнесла она тихо.

†††

Я опять не спал. Хотел, но не мог.

Морриган, укрытая пледом, который мы нашли в шкафу, уснула на кровати, свернувшись калачиком. Я вышел из спальни, когда её дыхание стало ровным, но, сидя на диване в гостиной, подозревал, что это затишье ненадолго. Тело умоляло мозг отключиться, но я игнорировал просьбы, уставившись в окно на ночной город, где фонари горели ровным жёлтым светом. В гробовой тишине доносились звуки редких машин, проезжающих по Нэссау-стрит, а я снова и снова прокручивал в голове разговор с Чарли и Мэттом.

«Мы видели её в тот вечер». Она вышла из квартиры. Не закрыла дверь, а он вошёл. Спланировал. Выследил. Дождался момента. Изнасиловал.

Я сжал переносицу, пытаясь унять пульсирующую боль, как вдруг в спальне раздался вскрик. Я тут же вскочил с места и бросился в комнату. Морриган, сидя на кровати, судоро-

рожно хватала ртом воздух, её глаза были широко раскрыты, а зрачки расширены так, что радужки почти не было видно. Она не кричала и не плакала – задыхалась, вцепившись руками в одеяло.

– Морриган, – я опустился рядом и осторожно взял её за плечи. – Ангел, смотри на меня. Это я. Ты в безопасности. Всё хорошо.

– Прости, – выдохнула она сквозь сбившееся дыхание. – Прости, прости, прости...

– Тише, – я прижал её к себе, чувствуя, как колотится её сердце. – Тебе не за что просить прощения. Слышишь? Не за что.

Она всхлипнула, уткнувшись лицом мне в плечо. Я гладил её по спине, по волосам, продолжая шептать, как мантру, какие-то пустые слова утешения и чувствовал, как внутри с новой силой разгорается ненависть.

Я ненавижу тебя за то, что ты сделал с ней. Ненавижу весь этот грёбаный мир. Я убью тебя, Итан. Каждый день, пока ты дышишь, в любой момент станет для тебя последним. Я не знаю, как, но я сделаю это.

– ...творное, – прошептала Морриган, и я вынырнул из своих мыслей.

– Что?

– Пожалуйста. Дай мне снотворное. Я не хочу больше видеть... это.

Я отпустил её, подошёл к столу, где лежал пузырёк и вы-

тряхнул таблетку. Налил воды на кухне и вернулся в спальню. Морриган выпила, даже не глядя на меня, и легла, свернувшись калачиком. Пятнадцать минут прошло, пока я сидел рядом и ждал, когда её дыхание снова станет ровным. Спустившись на пол, я уставился в потолок. Голова раскалывалась, но мысли продолжали пробивать череп.

Итан. Где ты сейчас, сука? Что ты делаешь? О чём ты думаешь? Что ты скажешь в своё оправдание на этот раз? «Она сама хотела, я же не изверг»? Нет, не получится. В этот раз у тебя не получится.

«Ты ничего не сделал». «Ты стоял и смотрел».

Её голос из моего собственного кошмара заставил меня резко открыть глаза. Я обернулся в темноте, пытаюсь взглядом найти Морриган. Когда зрение стало различать все оттенки чёрного, я увидел, что она всё так же мирно спит, подложив ладони под щеку, как ребёнок. Я поднялся с пола и осторожно лёг рядом, оставляя расстояние между нами. Хотел прикоснуться, обнять её, как это было раньше, и не смог. Замер на месте, но рука всё равно потянулась к её спине. Пальцы остановились на ткани, едва касаясь.

Я не могу быть рядом с тобой, как раньше. Хочу, но боюсь напугать тебя. И не могу оставаться в стороне, потому что... я люблю тебя.

Пальцы уткнулись ей в спину. Она вздрогнула, но не проснулась. И вряд ли проснётся ещё часов восемь. Я заставил себя отвести руку и перевернулся на спину. Веки тяже-

лели, но я боялся уснуть и снова увидеть тот кошмар. Морриган вздохнула во сне и повернулась ко мне лицом. Я не решался пошевелиться и просто замер, глядя на её.

Мы справимся. Не знаю «как» и «когда», но справимся. Мы должны, потому что у нас нет выбора. Мы научились идти шаг за шагом по прямой. Научимся и карабкаться вверх по лестнице из самой преисподней.

И как только увидим землю, я разберусь с тобой, Итан, слышишь? Я убью тебя.

ГЛАВА 3

21 февраля 2026 года.

Из-за туч пробивалось бледное, почти белое солнце. Снег на газонах осел, почернел у дороги и потихоньку таял, стекая грязными ручьями в ливнёвки.

Весна, мать её, близко.

Где-то в этом городе жили обычные люди, которые не знали, что мир раскололся надвое. Где-то смеялись студенты, спешили на свидания, ссорились и мирились, а я парковал машину у «Лоренс», глядя на знакомое здание, и чувствовал, как по пищеводу поднимается тошнота. Мэтт и Чарли ждали меня у входа, притулившись к стене, и курили, глядя куда-то в сторону. Увидев мою машину, Чарли затушил сигарету о сугроб и выпрямился.

Я заглушил двигатель, вышел и молча кивнул им. Они кивнули в ответ. Никто не произнёс ни слова, пока мы шли к лифту. В лифте Чарли смотрел в пол, Мэтт – на бегущие цифры этажей, а я смотрел прямо перед собой и пытался не думать о том, что увижу через минуту.

Двери лифта распахнулись, и коридор встретил нас всё той же серой ковровой дорожкой, всё теми же дверями с номерами. Я достал ключи и на секунду замер. Рука не слушалась – пальцы сжимали холодный металл, но не могли вставить его в замочную скважину.

– Дженс, – тихо позвал Чарли сзади. – Может, мы сами?
– Нет, – ответил я и, наконец, открыл дверь.

Внутри было тихо. Слишком тихо для квартиры, где ещё несколько дней назад кипела жизнь. Сейчас это был просто набор квадратных метров, пропитанных её кошмаром. Чарли и Мэтт топтались сзади, не решаясь войти без приглашения. Я прошёл в гостиную и остановился, оглядываясь.

Чёрный пакет с осколками всё ещё стоял у кухонного островка, где я его оставил. На столешнице – графин с букетом. Цветы теперь поникли, лепестки осыпались на столешницу, а вода в графине помутнела. Рядом валялся снимок, где Морриган в этой дурацкой самодельной короне улыбается в обнимку с подругами. Её счастливое выражение лица отпечаталось в памяти, но всплывало перед глазами реже.

– Дженс... – Мэтт появился в проёме, обводя взглядом гостиную. – Ох, чёрт...

Чарли молчал. Когда я обернулся, то увидел, как он сжимает челюсть, пытаясь переварить картинку, которая говорила сама за себя. Они, так же как и я, не знали всех деталей. Но так же, как и я, легко могли предположить.

– Мне нужно собрать вещи, – сказал я, проходя на кухню.

Первым делом я подошёл к островку и забрал зип-пакет с осколком. Тёмное пятно на стекле давно въелось в память, но я всё равно смотрел на него несколько секунд, прежде чем убрать во внутренний карман куртки. Потом повернулся к шкафчикам, достал несколько мусорных пакетов и протянул

один Чарли.

— Кухня. Всё, что открыто, в мусорку. Продукты из холодильника — туда же.

Чарли кивнул и взял пакет, не задавая вопросов, а я направился в спальню. Когда я остановился на пороге комнаты, воздух застрял в лёгких. Смятые простыни на кровати с пятнами порождали самые жуткие картинки. Я смотрел на них и видел её. Видел, как она лежала здесь, пока он делал с ней то, что делал. Видел, как она сжимала эту ткань, когда он... Я зажмурился на секунду, прогоняя картинку.

Это нужно выбросить. Сжечь. Уничтожить.

Я подошёл к кровати и резким движением стащил простыни в охапку. Комом сунул их в мусорный пакет, который принёс с собой. Руки тряслись, пока я завязывал пакет, но другого выбора у меня не было. Я не хотел, чтобы друзья видели это. Они не должны были это видеть.

С пакетом в руках я направился на выход из комнаты, но остановился, чтобы оглядеться ещё раз. Всё было на своих местах, ничего не разбито и не сломано, но мой взгляд зацепился за кусочек ткани, едва видневшийся под кроватью. Я подошёл ближе, сел на корточки и потянул за угол. Бежевое полотенце, которое обычно висело в ванной.

Это...?

Я замер, глядя на него, и не хотел думать, зачем ей понадобилось полотенце в ту ночь. Не мог позволить себе представить эту картину. Челюсть сама собой сжалась так, что зу-

бы заскрежетали, а в голове забилося лишь одно слово. Одно грёбаное имя.

Итан. Я убью тебя, сука.

– Дженс? – осторожно окликнул Чарли издалека.

Я заставил себя медленно задышать через нос, как делал в те моменты, когда контроль трещал по швам.

– Всё нормально, – ответил я, не оборачиваясь. – Помогите собрать вещи.

Аккуратно сложил полотенце, засунул его в отдельный пакет, вышел в прихожую и быстро спрятал в свою сумку. Дальше мы работали молча. Чарли собирал вещи из шкафа: наши с Морриган футболки и джинсы, мои рубашки, свитера – всё подряд, не глядя. Мэтт орудовал в ванной, а я выдвигал все ящики и собирал тетради, книги и остальную мелочь, пакуя всё в картонные коробки. Всё происходящее казалось нереальным. Словно мы собирали вещи для кого-то другого, для чужой жизни, которая рассыпалась.

– Гитару не забудь, – Чарли кивнул на чехол в углу гостиной.

Я подошёл к ней, расстегнул молнию. Едва касаясь, провёл пальцами по грифу. Ультрамариновая электроакустика, подарок отца. Частичка Морриган.

– Не забуду, – ответил я, застёгивая чехол.

Пока Чарли носил сумки из спальни в прихожую, я прошёл на кухню и принялся собирать кружки, аккуратно складывая их в коробку. Туда же отправились упаковка кофе,

банка джема и пачка попкорна. Я бросил взгляд на графин с цветами и снимок рядом, а внутри опять всё сжалось от злости. Стиснув зубы, я схватил фотографию и сунул её в карман, после одним рывком выдернул букет из графина и бросил его в один из мусорных пакетов.

Почему? За что, Итан? Что она сделала тебе? Чем заслужила такую жестокость? О чём ты думал в эту ночь?

– Дженс, – голос Мэтта вырвал меня из приступа глухой ярости, и я резко обернулся. Он замер в коридоре, глядя на меня. Его взгляд скользнул по моему лицу, по пакету и по графину с мутной водой у меня в руке. – Мы почти закончили.

– Я тоже.

Коробки, сумки, пакеты – всё это росло в прихожей, пока я не понял, что загружать придётся в несколько заходов. Парни таскали тяжёлое, не дожидаясь моих просьб, а я смотрел на них и думал, что за последние четыре дня единственное, что не развалилось – это они.

Через полчаса я погрузил последнюю коробку в багажник и захлопнул крышку. Рядом с моей машиной стояла белая «Альфа» Мэтта. Чарли уже сидел на капоте, доставая сигареты, а Мэтт прислонился рядом. Я подошёл к ним, вытащил из кармана свою пачку, но не закурил.

Блять. Последняя была по пути сюда.

Чарли молча протянул мне свою. Я прикурил, до лёгкой дрожи затянулся и выдохнул дым в серое небо.

– Спасибо за...

– Даже не думай об этом, – перебил Мэтт. – Просто прими. Это меньшее, что мы можем сделать, как друзья.

«Просто прими». Мои же слова, когда Морриган говорила мне «спасибо» за помощь.

Я горько усмехнулся в ответ, глядя на кончик сигареты, и снова затянулся. Тогда мне казалось, что она бросает это слово по любому поводу. Сейчас же я сам говорил «спасибо» чаще, чем что-либо.

– Дженс... – осторожно позвал Мэтт. – Как она?

Я пожал плечами, стряхивая пепел.

– Не знаю. Джилл сейчас у нас.

– Где «у вас»?

– Квартиру снял вчера. На Нэссау, напротив универа.

Мэтт замолчал. Я посмотрел на каждого и понял, что они оба не знают, как разговаривать со мной. Я и сам не знал. Никотин обжёг легкие, когда я ещё раз затянулся сигаретой, переводя взгляд на «Лоренс».

«Клининг». Нужно вызвать клининг перед тем, как сдать ключи. Сейчас там относительный порядок, но я мог пропустить какое-нибудь пятнышко, не заметить осколок... Нужно перестраховаться.

– А ты сам как? – спросил Чарли, вырывая меня из размышлений. – Выглядишь...

– Знаю, – перебил я. – Как смерть. Примерно так же внутри.

Я не сказал вслух, что не сплю с той самой ночи. Что каждый раз, закрывая глаза, вижу её лицо на том чёртовом снимке. Или хуже – вижу то, чего не видел, но что теперь навсегда впечатано в мозг.

Мэтт докурил, бросил бычок в сугроб и подошёл ближе.

– Дженс, всё, что угодно, – тихо произнёс он, глядя мне в глаза. – Только скажи, мы поможем.

Чарли спрыгнул с капота, остановился рядом с Мэттом и положил руку мне на плечо.

– А ещё мы съезжаем из «Элис», – сказал он. – Сегодня или завтра.

Я поднял взгляд на Чарли.

– Причина?

Чарли посмотрел на меня в упор, сжимая моё плечо.

– Ты знаешь причину. Когда он вернётся, мы не уверены, что не накажем его раньше тебя.

Наши друзья, которые считали Итана «своим». Которые пили с ним, тусили, прикрывали его косяки, а теперь... мои друзья. Мои, блять, друзья, которые даже не знают всей правды, но уже готовы убивать за нас.

Я кивнул, не говоря ни слова, выбросил окуроч в снег и повернулся к своей машине. Сел за руль, завёл двигатель и тронулся. В зеркале заднего вида отразился серый «Лоренс», руки крепче сжали руль. Я перевёл взгляд на боковое зеркало перед поворотом, глядя на «Альфу» Мэтта, следовавшую сразу за мной, сделал глубокий вдох, и выехал с территории.

†††

Я не сразу поехал на Нэссау-стрит.

Сначала был объезд, в ходе которого нашлась нужна вывеска. Небольшое одноэтажное здание из серого кирпича с неприметной вывеской «Медицинские анализы» и тонированными стёклами. Я припарковался у входа, выключил двигатель. Несколько минут я просто сидел, глядя на дверь здания, и сжимал в кармане зип-пакет с осколком стекла.

Это может выйти боком, но я должен узнать любой ценой. Мне нужно подтверждение.

Стиснув зубы, я вышел из машины и направился ко входу. Внутри – светлое и чистое помещение, как и любое другое медицинское учреждение. За стеклянной стойкой сидела девушка с идеальным макияжем и скучающим выражением лица. Увидев меня, она поправила очки.

– Здравствуйте, – сказала она с дежурной улыбкой. – Чем могу помочь?

Я достал из кармана пакет и положил на стойку перед ней.

– Мне нужно проверить кровь на этом осколке.

Девушка уставилась на пакет, потом на меня.

– Сэр... – её улыбка сползла, сменившись растерянностью. – Вы из полиции?

Глупый вопрос. Если бы я был из полиции, у меня была бы бумага с печатью и, вероятно, значок. Не думаешь, милая?

– Да или нет? – спросил я, старательно удерживая контроль над голосом. – Вы можете это сделать или нет?

– Сэр, простите, но это невозможно, – она затараторила, явно нервничая. – Если нет постановления от следователя или определения суда...

Я делал вид, что слушаю её, но остро чувствовал, как внутри закипает раздражение. Не на неё, а на всю эту систему с этими правилами. На весь этот грёбанный мир, который требует бумажки для всего. Даже для того, чтобы поймать насильника.

– Где ваш лаборант? – перебил я.

– Сэр, я вынуждена буду вызвать полицию, если вы...

Ладно, милая, с тобой бесполезно беседовать.

Я развернулся и решительным шагом направился вглубь коридора к двери с табличкой «Лаборатория. Посторонним вход воспрещён». Девушка за моей спиной что-то кричала про полицию, про то, что она вызовет охрану, но я уже толкнул дверь и вошёл.

В небольшом помещении, заставленном пробирками и аппаратурой, сидел мужчина в белом халате. Он поднял на меня удивлённые глаза, а его рука инстинктивно потянулась к телефону.

– Вы кто? – спросил он настороженно.

Следом за моей спиной раздался взволнованный голос девушки-администратора:

– Извините, я пыталась его остановить, он...

– Выйдите, – сказал я, не глядя на неё.

Она замолчала. Мужчина в халате смотрел на меня без

страха, но с явным недоумением. Его рука замерла на телефонной трубке.

– Пожалуйста. Выйдите, – повторил я спокойнее.

Скорее всего, администратор колебалась, но лаборант кивнул ей. Дверь закрылась, и мы остались одни.

– Вы можете проверить кровь здесь на предмет наркотиков? – спросил я, подходя ближе и выкладывая перед ним пакет.

– Вы из полиции?

Я сжал зубы.

Сука, да сколько можно? Я похож на копа? Или я похож на того, кто жаждет вести светские беседы?

– Блять, – выдохнул я, чувствуя, как контроль ускользает.

– Простой вопрос. Да или нет?

Лаборант ошарашенно смотрел на меня, и я понял, что перегнул. Я прикрыл глаза и сделал глубокий вдох-выдох полной грудью.

– Я заплачу лично вам, – продолжил я, встречаясь с ним взглядом. – Просто проведите грёбаный анализ.

– Я не могу, – он развёл руками. – Понимаете? Я не могу провести лабораторный анализ мимо кассы, тем более с образцом чужой крови. Тем более по частной просьбе, а не по запросу полиции... это нарушение всех протоколов. Меня уволят, если узнают.

Я выдохнул, пытаюсь успокоиться. Потом достал бумажник и выгреб оттуда всё, что было – пятьсот долларов, по-

следние наличные. Положил их на стол перед ним.

– Пожалуйста, – мой голос стал тише. – Я прошу вас, просто сделайте анализ и дайте мне заключение, что было в крови. Это чертовски важно.

Он посмотрел на деньги, потом на осколок, и перевёл взгляд на меня. В его глазах читалась профессиональная осторожность и человеческое любопытство, но он продолжал молчать.

– У вас есть жена, мистер... – мой взгляд скользнул на бейдж. – Эссмер?

Он тут же напрягся.

– Зачем вам?

– Значит, есть, – я шагнул ближе, опираясь руками о стол, и навис над его лицом. – Представьте, что кто-то её очень сильно обидел, и единственное, что может наказать обидчика – это не полиция, не закон, а... вы сами. Но чтобы доказать долбаную причастность, нужна долбаная бумажка из лаборатории. Понимаете? Одна бумажка, мистер Эссмер.

Он перевёл взгляд с меня на осколок. Рука медленно потянулась и взяла деньги, пряча их в карман халата. Следом мужчина оторвал один бумажный стикер из стопки и, двигая его вместе с шариковой ручкой по столу, посмотрел на меня.

– Оставьте номер, – сказал он тихо. – Я сообщу, когда будет готово.

Я выдохнул так, будто всё это время не дышал. Одной рукой я подхватил ручку и вывел цифры.

– Спасибо, – прошептал я. – И... простите.

Он кивнул, уже не глядя на меня, и взял зип-пакет, рассматривая осколок сквозь прозрачную плёнку. Я вышел из лаборатории, проигнорировав испуганный взгляд администраторши, и быстрым шагом направился к машине.

†††

Я занёс первые сумки в квартиру, но замер, бросив взгляд на приоткрытую дверь в спальню, за которой была Морриган. Тишина. То ли она спала, то ли снова смотрела в стену.

Джилл, сидя на диване в гостиной с чашкой чая, поднялась и подошла ко мне.

– Я помогу, – сказала она, забирая у меня пакет.

Я молча кивнул в ответ и повернулся к выходу из квартиры.

Последней я занёс гитару, поставил её у дивана и огляделся. Джилл, разбирая вещи из сумок и коробок, металась по квартире. Она ничего не спрашивала, находила вещам место самостоятельно, и я был за это благодарен. Усталость давила на плечи, и я опустился на диван рядом с гитарой. Всего на секунду закрыл глаза, чтобы выдохнуть. Чтобы перестать видеть этот мир, в котором всё напоминало о боли. Но голос в голове любезно напомнил, что бывает, когда сон выглядит слишком соблазнительно. Я резко распахнул глаза, прогоняя остатки желания провалиться в забытье.

Она в его руках. Она смотрит на него с нежностью. Она кончает с ним. Я не вынесу этого снова. Лучшие не спать

вообще.

Я перевёл взгляд с потолка перед собой и встретился глазами с Джилл. Она смотрела на меня, остановившись в дверном проёме, и в её взгляде читалась тревога, смешанная с осторожностью. Я понимал, что она боялась заговорить первой, чтобы не нарушить этот хрупкий баланс, в котором мы все существовали.

– Как она? – спросил я первым. – Говорила что-то?

Джилл покачала головой.

– Молчит. Как только ты уехал, она ушла в комнату. Но дверь оставила открытой. Просто... сидит там.

Я кивнул, принимая эту информацию.

«Сидит и молчит». Это лучше, чем кричит и хуже, чем... кричит? Я уже не соображаю.

– Если ты не против, – Джилл сделала паузу, будто собираясь с духом. – Я приготовила кое-что. Вам нужно есть и... спать, – она посмотрела на меня в упор. – Дженсен, ты дерьмово выглядишь. Да, я всё понимаю, но... Нужно подниматься и идти.

Я прикрыл глаза и устало, почти натянуто усмехнулся одними уголками губ.

– Я знаю, Гермiona. Не могу уснуть, не получается. А за еду... – я открыл глаза и посмотрел на неё. – Спасибо. Я твой вечный должник.

Джилл направилась ко мне и села рядом, положив руку мне на плечо. Её прикосновение было тёплым, почти род-

ным, и я на секунду позволил себе вновь закрыть глаза, чувствуя, как напряжение чуть-чуть отпускает.

– Дженсен, пожалуйста... – её голос дрогнул, но она взяла себя в руки. – Если я могу что-то сделать, как-то помочь... Скажи мне об этом.

Я открыл глаза, посмотрел на неё.

Джилл Мейсон. Моя Гермiona. Всегда рядом, всегда готова подставить плечо. Сколько раз она вытаскивала меня из передраг? Сколько раз прикрывала? А теперь я втянул её в эту историю. В этот кошмар, в котором ей точно нет места.

– Я знаю, Джилл, – ответил я, накрывая её руку своей. – Не волнуйся, мы... справимся. Просто это... это нужно пережить. Пока что я не знаю «как». Но найду способ, – я помолчал несколько секунд, потом спросил: – У тебя сигареты есть? Мои кончились.

Джилл кивнула и потянулась к сумке на журнальном столике. Быстро выхватив оттуда нераспечатанную пачку, она протянула её мне. Я взглянул на изображение тонких белых сигарет с фруктовой кнопкой на упаковке и коротко усмехнулся.

– Спасибо, – сказал я, принимая пачку, и спрятал её в карман.

– Я пойду... – Джилл поднялась с места. – Если что, я на связи. В любое время.

Спасибо, Гермiona. Бесконечное спасибо.

Джилл накинула пальто, но на выходе обернулась, наказав обязательно поест. Когда дверь закрылась с тихим щелчком, я перевёл взгляд на узкий коридор квартиры прямо напротив дивана. Из спальни, где всё это время была Морриган, не доносилось ни звука. Поднявшись с места, я последовал туда.

Комната освещалась лишь синеватым светом приближающегося вечера из окна. Морриган сидела на кровати, подбрав ноги, и смотрела за стекло. На ней была моя футболка, волосы рассыпались по плечам, и в этом свете она казалась нереальной, как призрак. Морриган даже не повернула головы, когда я осторожно приблизился и сел рядом. Смотрел на её профиль, на то, как дрожат ресницы, как она кусает губу, и не знал, что сказать. Сказать, на самом деле, хотелось многое, но каждое слово было для меня клеточкой в игре «Сапёр». Только вот чисел на игровом поле не было.

– Ангел, – позвал я тихо. – Как ты?

– Мама звонила, – ответила она, не оборачиваясь.

«Мама звонила». Спросить или нет? Ответила ли она на звонок? Смогла ли разговаривать? Шеннон могла почувствовать, что что-то не так... И что тогда? А Кай? Как я смогу объяснить им, что по моей вине их дочь выпала из жизни? По моей вине она не живёт, а просто существует уже несколько дней...

– Ответила? – спросил я всё же.

Морриган кивнула, всё так же глядя в окно.

– Сказала, что плохо себя чувствую. Горло болит, – она помолчала. – Мама думает... что я игнорирую её просьбы не забывать носить шарф.

«Горло болит». Ангел, прости меня. Прости, что тебе приходится врать. Прости, что я не могу ничего исправить.

В горле встал ком от собственных мыслей. Я сглотнул, прогоняя его, и тогда Морриган наконец повернулась. Она посмотрела на меня опухшими, но уже сухими глазами, а я наблюдал, как она изучающе смотрит на меня, будто видит впервые, и ждал, сам не зная чего.

– Дженсен, ты... спишь?

«Ты ничего не сделал. Ты стоял и смотрел».

– Да. Просто часто просыпаюсь.

– Снотворное помогает, – прошептала она, опуская глаза.

– Я не просыпаюсь. И только во сне могу ничего не видеть. И не чувствовать. Совсем.

Тебе нужен сон, Дженсен. Тебе нужны эти чёртовы таблетки, чтобы не видеть то, что видишь ты. Но она... она не видит сны, а живёт в кошмаре наяву... И ты думаешь о себе? Какой же ты эгоистичный мудака.

Я на секунду зажмурился, прогоняя голос совести в голове. Открыв глаза, мне показалось, что в её взгляде мелькнуло что-то новое, помимо пустоты. Морриган повернулась ко мне всем телом, и я заметил, как она прикусила губу, сдерживая стон.

– Ангел, ты должна беречь себя.

– Беречь?

Она тут же коротко усмехнулась и замолчала. Моя челюсть сжалась от осознания.

Что должна она беречь, Дженсен?

Я не ответил, боясь ещё раз произнести что-то абсурдное. Морриган несколько секунд смотрела мне в глаза, а потом её рука потянулась к шее. Пальцы коснулись татуировки. Она опустила взгляд и обвела контур креста, а я замер, боясь даже дышать.

– Некоторые вещи... которые ты не выбирал нести... – прошептала она. – Ты всё равно несёшь.

– Потому что бросить... значит предать часть себя. Даже если эта часть тяжёлая.

– А что она значит на самом деле? – Морриган подняла на меня глаза. – Когда ты её сделал? Почему?

Когда не смог защитить другую девушку, ангел. От того же человека. Когда просто стоял и смотрел, как она плачет у меня на глазах. И я, вместо того, чтобы попытаться сделать хоть что-то, не сделал ничего. Закрыв рот, как того потребовал мой отец. Сделал вид, что ничего не произошло, глядя, как Лили в слезах выходит из кабинета Элис.

– Я глубоко верующий, помнишь? – сказал я вместо этого. – Ничего не значит. Просто... подростковая глупость.

Она слабо, едва заметно улыбнулась. В первый раз за эти дни. Но потом улыбка сползла.

– Дженсен, я... боюсь.

– Чего?

– Что забуду.

Я не понял. Смотрел на её грустное лицо и пытался прочесть мысли, чтобы не спрашивать. Боялся, что мои слова снова ударят её. Но у меня ничего не получалось. Мой мозг уже перестал анализировать, угадывать и договаривать за неё.

– «Что» забудешь? – осторожно спросил я.

В уголках её глаз собрались слезинки, но она не заплакала.

– Тебя. Что ты это... ты.

«Ты – это ты».

Дженсен, которого знали все, был разным. Девушки приходили и уходили. Иногда это был просто спор с Итаном, а иногда – просто способ убить время. Я не стыдился этого тогда, потому что не видел в этом ничего плохого. Пока не встретил её. Пока не понял, что можно иначе.

– Морриган, если ты забудешь, мы познакомимся ещё раз, – твёрдо произнёс я, глядя ей в глаза. – По-другому. У меня будет второй шанс, который я не упущу ни за что на свете.

Она смотрела на меня, и в её глазах что-то менялось. Потом её рука соскользнула с моей шеи, и мы замерли. Оба хотели потянуться друг к другу, и оба не могли. Слишком свежи были раны, а грань между «можно» и «нельзя» казалась слишком тонкой, словно графен.

– Мне нужно... – она запнулась. – Нужно принять лекарства. Кажется.

– Да, конечно. Я принесу.

Я поднялся с кровати и направился к выходу из спальни. Лекарства, которые Морриган должна была принимать по рекомендации врача из клиники, лежали на столешнице в кухне. Я набрал стакан воды, взял все пачки с таблетками и повернулся в сторону спальни. Моя собственная голова раскалывалась не только от усталости, но и от мыслей, пока я шёл к комнате. А горло сдавливало от слов, которые я хотел, но не мог произнести.

Ангел, если бы можно было стереть это всё из твоей памяти, я бы сделал это. Я бы начал всё с чистого листа без раздумий. Если бы можно было вернуться в прошлое, я бы сделал всё, чтобы этого не случилось. Я бы отмотал грёбаное время до грёбаного второго сентября.

†††

Через пару часов, когда мы впервые поели нормальной еды, которую приготовила Джилл, Морриган приняла снотворное и уснула. Я сидел рядом, пока не убедился, что она точно спит, а потом осторожно поднялся и вышел на кухню.

Открыл окно. Холодный воздух ворвался внутрь, когда я прикурил одну из тонких сигарет Джилл. Я затаился, глядя на шпили кампуса, подсвеченные редкими фонарями, и ощутил приторный сладкий вкус во рту.

Боже, ну и дрянь. Надо купить нормальные сигареты. А лучшие сразу блок.

Затяжки давались через тошноту, но я продолжал курить.

И думать.

Где ты сейчас? Что ты делаешь? Что тебе снится по ночам, Итан? Снятся ли тебе её глаза, полные ужаса? Снится ли тебе кровь на простынях? Как ты видишь свою жизнь дальше и видишь ли вообще? За что ты с ней так поступил?

Но на смену этим мыслям пришли другие, более практичные. Голос разума, который пытался достучаться до меня сквозь пелену вины и ненависти, то ли насмехался, то ли правда пытался поставить меня на рельсы здравого смысла.

Ты ляжешь в психушку, если будешь изводить себя. Тебе нужен сон не меньше, чем ей.

Я выдохнул дым в окно. В голове работали последние шестерёнки, подбивая меня принять таблетку на ночь. Мысль была манящей, но я выбросил её из головы так же, как выбросил окурок в окно.

Даже, блять, не думай. Никаких снотворных. Никаких.

Закрыв окно, я вернулся в спальню. Морриган спала, лёжа на боку, подложив ладони под щёку. Я осторожно лёг с краю кровати, стараясь не потревожить её, и несколько минут смотрел в потолок, слушая её дыхание. Морриган повернулась на спину, что-то промычала сквозь сон, а я застыл в ожидании её крика. Но она не закричала. Я расслабился на мгновение, отрывая взгляд от её лица, и в этот момент её рука дёрнулась во сне. Инстинктивно, не думая, я накрыл её своей ладонью. И не смог убрать.

«Почему ты... изменился?»

«Ты всегда была в поле моего зрения, с самого начала. Просто... я не позволял себе подходить ближе».

В моих словах тогда была кристально чистая правда. Я видел её и был дураком, который боялся подойти. Боялся, что она станет для меня слишком важной. Боялся, что потеряю контроль.

«А теперь?»

«А теперь я... не смогу отойти от тебя. Пока ты сама не захочешь этого».

Смогу ли я отойти, если она захочет этого? Если однажды она посмотрит на меня и увидит не меня, а его? Если её травма окажется сильнее чувств? Если она забудет, что я не он? Смогу ли я отпустить её?

Я сжал её пальцы в своей руке и закрыл глаза.

Дженсен, ты слишком много думаешь. Проблемы нужно решать по мере поступления, помнишь?

Я кивнул про себя, соглашаясь с собственными мыслями.

Нужен отдых. Плевать, что мне приснится. Я выдержу. У меня нет другого выбора.

ГЛАВА 4

23 февраля 2026 года.

– Дженс! – сдавленный голос Мэтта врывается в ухо из динамика. – Она только что крикнула, чтобы я открыл дверь!

– Что? – мои глаза широко распахиваются, врезаясь в потолок.

– Итан сказал, что всё в норме, но, блять... что мне делать?

– Что-нибудь, Мэтт!

Я бросаю трубку и вскакиваю с кровати. Тут же натягиваю джинсы, следом футболку. Чарли отрывает голову от подушки и щурится одним глазом.

– Ты куда?

– Он что-то выкинул, – бросаю я, хватая куртку со спинки стула. – Я сейчас.

– погоди, я с тобой.

Чарли подсакивает со своей кровати напротив, натягивает спортивные штаны, и через пару секунд мы уже несёмся по коридору. Ещё через минуту входная дверь «Форбс» распахивается, и ночной воздух ударяет в лицо сыростью и холодом. Снега уже почти нет, только грязные лужи под ногами да мокрый асфальт, блестящий в свете фонарей, пока мы бежим к парковке неподалёку от общаги. Я прыгаю

за руль, Чарли влетает на пассажирское сиденье. Быстрым движением заводжу двигатель, и не дожидаясь, пока машина прогреется, трогаюсь с места. Дорога проносится перед глазами слишком стремительно, и через пару секунд возникает тёмный силуэт Часовни на фоне звёздного неба.

Я выскакиваю из машины, даже не заглушив двигатель, Чарли – следом за мной, хлопая дверью. Мы избегаем по каменным ступеням крыльца, и я вижу Мэтта. Он стоит у двери с потерянным видом и сжимает в руках связку ключей, переминаясь с ноги на ногу.

– Почему ты стоишь? – выдыхаю я, хватая ртом воздух.
– Почему ты, блять, до сих пор просто стоишь?!

– Дженс, я... – Мэтт запинаяется, глядя на меня глазами, в которых плещется ужас. – Он сказал, что всё в порядке. Он сказал, чтобы я не лез.

Я выхватываю ключи у него из рук. Мои собственные руки трясутся, пока я вставляю ключ в замочную скважину, пока поворачиваю его, пока толкаю тяжёлую дверь. Она открывается с протяжным, тоскливым скрипом, и мы вваливаемся внутрь.

Внутри полумрак и странная тишина. Через высокие стрельчатые окна льётся лунный свет, рисуя на полу причудливые узоры. Скамейки тянутся бесконечными рядами к алтарю, теряясь в темноте. Где-то наверху, под сводами, гуляет ветер, и этот звук становится похож на чей-то бесконечный, тоскливый стон.

Я вижу его спину у одной из скамеек, а за ним, в углу, на каменном полу, скорчившись, сидит... Морриган? Моя Морриган?!

Она беззвучно плачет, не поднимая головы, и вздрагивает всем телом. Её плечи трясутся, руки обхватывают колени, и она выглядит такой маленькой, такой беззащитной в этом огромном пространстве, что у меня на мгновение останавливается сердце.

Я замираю. Не могу сделать ни шагу. Не могу вздохнуть. Смотрю на неё и чувствую, как внутри всё обрывается, падая в ледяную бездну. Итан лениво оборачивается, как кот, который только что доел пойманную мышь, а на его лице играет фирменная и уверенная в своей безнаказанности улыбка.

– Дженс, – спокойно зовёт он, будто ничего особенного не происходит. – Всё нормально. Она сама хотела, я же не изверг.

Ключ выпадает из моих пальцев и с глухим металлическим стуком ударяется о каменную плитку. Я смотрю на Морриган. Она поднимает голову, и наши взгляды встречаются. Её лицо залито слезами, губы дрожат, но в глазах... ничего.

– Это твоя вина, Дженсен, – произносит она тихо.

От этих слов земля уходит из-под ног, и я падаю на колени. Прямо туда, на холодный каменный пол, не чувствуя боли, не чувствуя ничего, кроме разрывающего грудь отчая-

ния.

– Ангел... – голос мой срывается, превращаясь в хрип. – Ангел, прости меня. Пожалуйста, прости...

– За что ты просишь прощения, Дженс? – усмехается Итан. – Да и к тому же, перед кем? Перед... ней?

– Завали, – шиплю я, не глядя на него.

Я не могу оторвать взгляда от Морриган. Она сидит в углу, трясётся и смотрит на меня пустыми глазами, пока слёзы без остановки текут по её щекам. Итан приближается и опускается передо мной на корточки. Его лицо оказывается на уровне моего, и я невольно перевожу взгляд, встречаясь с абсолютно чёрными в этом лунном свете глазами.

– Не то, что, Дженсен? – спрашивает он с победной улыбкой. – Что ты сделаешь, м?

Я хочу ударить его. Вложить в этот удар всю свою ненависть. Схватить и душить, пока позвонки его не хрустнут. Но не могу. Рука висит плетью, как мёртвая, как чужая. Я хочу закричать, позвать на помощь, но рот не открывается. Я хочу закрыть глаза, чтобы не видеть её слёз и его лица, но веки не двигаются. Глазами я ищу Морриган. Она сидит там же и смотрит прямо мне в глаза.

– Ты позволил этому случиться, Дженсен.

Её голос звучит во мне, отдаваясь эхом в каждой клетке. Я перевожу взгляд на Итана, чтобы увидеть его торжествующую ухмылку, его победу, его наслаждение моим падением и замираю.

Моё лицо. Мои зелёные глаза. Моя татуировка на шее. Он сидит передо мной на корточках и улыбается моей улыбкой, глядя на меня моими глазами.

– Мы с тобой одно целое, Дженсен, – говорит другой я моим голосом. – Ты такой же.

– Это ты сделал со мной, Дженсен, – голос Морриган пробивается сквозь шум крови в ушах. – Это был ты, Дженсен. Это твоя вина, слышишь? Джен...

– ...сен.

Я распахнул глаза, и взгляд упёрся в незнакомый потолок. Не «Лоренс», не «Форбс». Новая квартира. Новая чёртова жизнь.

– Дженсен.

Я повернул голову. Морриган сидела на кровати, поджав под себя ноги, и смотрела на меня. Лицо у неё было бледным, под глазами виднелись тёмные круги, но сам взгляд, кажется, был более живым.

– Тебе снова приснился кошмар.

– Ерунда, – я провёл ладонью по лицу, стирая остатки сна. – Всего лишь сон.

Всего лишь сон, который я вижу вторую ночь подряд. Всего лишь кошмары, которые терзают меня уже несколько ночей. Но я не скажу тебе этого. Ты не должна знать, что мой собственный мозг превратился в палача и казнит меня, как только я закрываю глаза.

– Как ты? – спросил я, садясь на кровати.

Морриган пожала плечами. Движение вышло вялым, но в нём уже не было той механической пустоты, как в первые дни.

– Не знаю, – сказала она после долгой паузы, но потом добавила, глядя куда-то в сторону: – Но думаю, завтра нужно... пойти на занятия.

Я уставился на неё, оценивая состояние, и пытался прочитать между строк, пытался понять, откуда взялось это решение. Ни черта не понял. Она обхватила колени руками и смотрела в окно, за которым начинался очередной день сурка. Свет едва пробивался сквозь плотные облака, а в комнате атмосфера ощущалась какой-то траурной.

– Ты... уверена?

– Нет, – Морриган перевела взгляд с окна на меня. – Но девочки пишут мне... Дженн уже три раза спросила, не умерла ли я, – в её голосе мелькнуло что-то похожее на горькую усмешку. – Лиз шлёт мемы, а Ада... Ада написала, что без меня ей особенно скучно на парах, – она опустила глаза. – Я... я должна, Дженсен.

«Должна». Она должна делать вид, что ничего не случилось. Должна улыбаться, отвечать на вопросы, сидеть на парах и слушать лекции, пока внутри всё кричит. Должна жить дальше.

– Понял, – сказал я, поднимаясь с кровати. – Кофе?

– Пожалуй... да. Должно же хоть что-то остаться.

Я замер на полпути к двери, понимая её намёк на про-

шлую жизнь. На те утра, когда мы пили кофе вместе и всё было просто. Я обернулся и посмотрел на неё. Морриган сидела всё в той же позе и рассматривала свои руки, сжатые в замок на коленях. Внутри меня всё кричало, чтобы подойти к ней, обнять так крепко, как только могу, но в этом и была вся проблема: я не мог. Вместо этого я отвернулся и вышел из комнаты. Прошёл на кухню, включил чайник, достал две кружки и механическими движениями засыпал кофе в чашки.

«Это твоя вина, Джensen». «Это ты сделал со мной». «Это был ты».

Я зажмурился, прогоняя голоса.

Джensen, блять, это всего лишь сон. Грёбаный ночной кошмар. Привыкай. Хотя, какое «привыкай»? Как можно привыкнуть к тому, что собственный разум оборачивает против меня самое дорогое? Как привыкнуть видеть её слёзы и слышать обвинения из её же уст?

Чайник щёлкнул и выключился. Я разлил воду по кружкам, и в этот момент услышал шаги в коридоре. Морриган, одетая в свободный свитер и леггинсы, появилась на пороге кухни, когда я обернулся. Волосы были собраны в небрежный высокий пучок, и на секунду мне показалось, что я вижу её прежнюю. Двигалась она чуть лучше, чем три дня назад – без той скованной боли, от которой у меня сводило челюсть. Но я всё ещё замечал, как её рука иногда тянется к низу живота.

Морриган прошла к раковине, набрала стакан воды и взяла со столешницы две упаковки таблеток. Выдавила по одной из каждого блистера и выпила их, даже не поморщившись.

Я поставил кружки на стойку, примыкающую к окну, и мы устроились перед ними, уставившись в окно. За стеклом раскинулся кампус со знакомыми зданиями и дорожками, по которым скоро пойдут студенты, напоминая, что где-то в этом мире ещё есть обычная жизнь. Только вот для нас она теперь разделилась на «до» и «после».

Мы пили кофе молча, но я изредка поглядывал периферическим зрением на то, как она держит кружку двумя руками, как подносит к губам, как делает маленькие глотки. Она смотрела в окно, не моргая, и я не знал, о чём она думает. Боялся спрашивать.

– Так странно, – начала она вдруг. – Я первый учебный день не так боялась.

– Морриган, – я тут же обернулся к ней. – Я не могу быть с тобой на занятиях, но... – я запнулся, подбирая слова. – Но я могу быть... за дверью. Если ты хочешь.

Она задумалась, будто взвешивала мои слова, примеряя их в голове.

– Не надо, – сказала она наконец. – Это вызовет... подозрения. Я сама.

Она права. Конечно, она права. Если я буду дежурить у каждой двери, если меня будут видеть слишком часто рядом с ней... поползут слухи. А слухи сейчас – последнее, что

ей нужно.

Я кивнул и перевёл взгляд на окно. Кофе был допит в тишине. Морриган поднялась и хотела взять обе кружки, чтобы отнести в раковину, но я мягко остановил её, едва касаясь руки.

– Я приберусь здесь.

Она замерла на секунду, потом кивнула и отошла. Поднявшись следом, я взял посуду, прошёл к раковине, включил воду и принялся мыть, краем глаза наблюдая за ней. Морриган вышла из кухни, повернулась в гостиную и остановилась. И я знал причину этого сбоя. Вчера она так же замерла, когда увидела чехол, и смотрела на него так, будто видела впервые.

Когда Морриган скрылась из поля зрения, я выключил воду, вытер руки и чуть ли не на цыпочках подошёл к проёму, остановившись в тени. Морриган сидела на полу, держа гитару в руках, и водила пальцами по струнам с закрытыми глазами. В какой-то момент пальцы дёрнули струну, и в тишине квартиры этот звук прозвучал достаточно громко. За ним последовал ещё один. И ещё. Она играла что-то отрывистое и совсем непохожее на мелодию.

Тихо пройдя в гостиную, я опустился на пол напротив неё и прижался спиной к стене. Её пальцы двигались по струнам, губы были чуть приоткрыты, а брови едва свелись к переносице. Я смотрел на неё и видел свою Морриган, в которую влюбился. Ту, что могла часами сидеть с гитарой, сочиняя что-то своё, никому не слышное. Ту, что на сцене в двести

седьмой превращалась в настоящий огонь, искрясь от эйфории. Она, будто почувствовав моё внимание, открыла глаза, и на секунду мы замерли, глядя друг на друга через разделяющее нас расстояние. В её взгляде читалась усталость и какая-то новая для меня серьёзность. Она посмотрела на гитару в своих руках, потом снова на меня.

– В среду репетиция.

Должен ли я что-то ответить? Поддержать её или наоборот отговорить?

Я промолчал, не зная, что сказать, но она продолжила, глядя на гитару:

– Знаешь, музыка лечит... Всегда лечила.

Она отложила гитару и попыталась подняться с пола, но тут же поморщилась, прижимая руку к животу. Я вскочил, подаваясь вперёд, но Морриган выставила ладонь в останавливающем жесте.

– Не надо, – она на секунду поджала губы. – Я в порядке.

Я стиснул челюсть, но подчинился. Отошёл на шаг, давая ей пространство.

– Я в душ, – сказала она и, осторожно ступая, прошла мимо меня в коридор.

Я смотрел ей вслед, пока она не скрылась за дверью ванной. Потом выдохнул, провёл рукой по лицу, подошёл к дивану и опустился на него. Достал телефон.

Я:

>На паре?

Чарли:

>*На казни у Армстронг.

>P.S. Ставлю сотню, что она равнодушна ко мне.

Я почти неслышно фыркнул.

Армс будет шутить даже в аду. Что, в принципе, он и делает сейчас.

Следующее сообщение пришло через пару секунд.

Чарли:

>Его здесь нет.

Я смотрел на экран и чувствовал, как внутри разгорается знакомое пламя гнева.

Где же ты, а?

Я:

>Понял. Буду завтра.

Я отбросил телефон на диван и закрыл глаза, откинув голову на спинку. Из ванной доносился шум воды, пока Морриган принимала душ, а в голове снова всплыл сон.

Часовня. Каменные своды. Морриган в углу. Итан с моим лицом.

«Ты такой же».

Долбаное искажённое воспоминание. Лили. Тогда это была Лили. Как она сейчас? Смогла ли она забыть спустя почти год? Смогла ли... простить? Не его, а... нас. Его друзей, которые ничего не сделали ему.

Я открыл глаза и снова взял телефон. Пальцы сами, без моего участия, тапнули по иконке Фейсбука, но зависли над строкой поиска. Помедлив, я всё же набрал её имя. Алгоритм, к моему удивлению, выдал нужную страницу одной из первых.

Профиль пользователя: *Лилиан Кларк.*

33 друга. Общие друзья: *Нет.*

Закрытый профиль. Без аватарки. Без единой фотографии. Только имя и фамилия. Я смотрел на экран и видел её заплаканное лицо в Часовне. Видел, как она выходит из кабинета Элис, закусив губу, чтобы не разреветься при всех. Видел, как садится в такси и уезжает, ни разу не обернувшись.

Слишком поздно извиняться, Дженсен. Оставь её в покое.

Я закрыл её страницу и тут же, повинувшись какому-то мрачному инстинкту, открыл другую.

Профиль пользователя: *Итан Торренс.*

День рождения: *15 апреля, 22 года.*

Родной город: Трентон, Нью-Джерси.

328 друзей. Общие друзья: Чарли Армстронг, Мэттью Роуэн и ещё 58 человек.

«Был в сети в 11:09». Час назад. Написать? А зачем? Чтобы он знал, что ему пиздец? Он и так это знает. Уверен, знает. Он хоть и конченный ублюдок, но всё-таки не тупой идиот. Наверняка уже понимает, что его ждёт, когда он попадётся мне на глаза. Но если тупой идиот в нём всё же лидирует, значит я сделаю ему «приятный» сюрприз.

Ты же понимаешь, Итан? Ты не спрячешься после такого. Даже папочка не спрячет тебя. Тебя вообще НИКТО не спрячет от меня.

Дверь ванной открылась с щелчком, и я тут же заблокировал экран, поднимая голову. Морриган появилась в коридоре, в той же толстовке, но уже в пижамных штанах. Чёрные волосы были заправлены за уши, а щёки слегка розовели после душа. Она не выглядела до конца живой, но и призраком уже не была.

Я поднялся с дивана.

– Мне тоже нужен душ, – сказал я, двигаясь по коридору к ванной.

Когда я поравнялся с ней, Морриган не отошла в сторону, и на секунду её рука мимолётно коснулась моей. Внутри всё перевернулось и чуть не взорвалось, но её рука тут же исчезла в кармане. Морриган направилась в гостиную, а я обер-

нулся ей вслед. Хотел догнать её и прижать к себе, как раньше, когда это было просто и не нужно было думать о каждом движении или о каждом вздохе. Но я не смог.

Не надо, дай ей время.

Я кивнул сам себе, отвернулся и вошёл в ванную, закрыв за собой дверь. В комнате витал разгорячённый воздух, зеркало запотело. Я протёр ладонью стекло и на мгновение застыл, глядя в отражение. На секунду еголицо с той же ухмылкой и теми же пустыми глазами наложилось на моё.

«Ты такой же».

Я моргнул, прогоняя видение. Резко стянул через голову футболку и бросил на пол. Посмотрел в отражение снова, но по ту сторону уже был Дженсен. С татуировкой и с зелёными глазами, в склерах которых виднелись красные прожилки от недосыпа.

– Ты не он, – твёрдо сказал я своему отражению. – Не сходи с ума.

Я отвернулся от зеркала и снял оставшуюся одежду. Включил воду и встал под ледяные струи в надежде, что они смоят хотя бы часть этого кошмара.

†††

Остаток дня мы провели в квартире.

Морриган включила телевизор и принялась щёлкать пультом без особого энтузиазма. По какому-то каналу шёл марафон «Шрека», и она отложила пульт. Я опустился рядом на диван в тот момент, когда зелёный великан объяснял ослу

что-то в словесной перепалке.

– Лук многослоен. Я тоже... слой за слоем, – бормотал Шрек с экрана. – Ты усёк? Мы многослойные!

Я покосился на Морриган. Она смотрела на экран и не моргала. В её глазах блестели слёзы, которые она даже не пыталась стереть, а я заставил себя отвести взгляд, делая вид, что тоже погружён в просмотр. Зелёный огр ворчал, осёл болтал без умолку, принцесса пела с птичкой, а мы просто сидели и позволяли этому дурацкому мультику заполнить тишину.

Следом за первой частью началась вторая. Потом третья. Я потерял счёт времени, пока наблюдал, как она смотрит эти мультики. Хотя мы и сидели рядом, но между нами было расстояние, которое нельзя было преодолеть простым движением. Потому что измерялось оно не сантиметрами, а днями, часами и минутами той ночи, которая перевернула всё.

Раньше мы включали ужастики, помнишь? С них всё началось, с Хэллоуина. Первый раз, когда ты вскрикнула, а я сказал, что случайно дотронулся твоей шеи, я... соврал. Я испугал тебя ещё раз, и ты в шутку шлёпнула меня в ответ. А потом... поцеловала. Я чуть не сошёл с ума, Морриган. Всё тело кричало твоё имя. До сих пор кричит. Мы пересмотрели с тобой столько фильмов, пока я держал тебя в своих объятиях. Ты столько раз была со мной и моей, что я и помыслить не мог, что однажды у меня это кто-то сможет отнять.

Как мне вернуть тебя, ангел? Грёбаный ужасник сблизил нас, а теперь... теперь сама жизнь напоминает ужасник. Только выключить нельзя.

Последний мультфильм закончился, когда за окном уже стемнело. Морриган поднялась с дивана и ушла в спальню. Вернулась оттуда со своей сумкой и остановилась в центре гостиной.

— Мне нужно... собрать тетради на завтра, — её взгляд медленно прошёлся по всем ящикам и полкам. — Где я могу найти их?

Я осмотрелся, прикидывая варианты, но остро понимал, что «мужской» порядок вряд ли совпадает с «женским». Честно говоря, я понятия не имел, куда Джилл всё рассовала, но звонить и спрашивать её об этом казалось верхом наглости.

— Не знаю точно, — ответил я, поднимаясь. — Давай поищем.

Мы открывали ящики, заглядывали в шкафы, перебирали стопки бумаг на письменном столе в спальне. Наконец, под тумбой в гостиной, в глубоком ящике, который я даже не заметил раньше, нашлась целая стопка тетрадей, конспектов и методичек. Морриган опустилась на колени и начала перебирать их, отделяя своё от моего. Я присел рядом и наблюдал как её пальцы скользят по обложкам, задерживаясь на некоторых, будто она вспоминала, что в них написано. Среди её тетрадей мелькнули мои. Морриган подняла на меня

глаза, слегка изогнув бровь, когда я выхватил парочку из общей кучи.

— Что? — спросил я, поймав её взгляд. — У меня тоже завтра вторник.

Она слабо улыбнулась одними уголками губ, от чего мои губы сами по себе дёрнулись в едва заметной ответной улыбке.

Её тетради летели в сумку, а мои — в рюкзак. Закончив, Морриган осторожно поднялась, держась за живот, но уже не морщась так сильно, как утром. Медленным шагом она направилась в ванную. Я слышал, как она открывает тубик с пастой, как включает воду, как чистит зубы, а потом сплёвывает пасту в раковину. Через пару минут она вышла из ванной в сторону спальни. Потом снова появилась в коридоре с пузырьком таблеток в руке. Я слышал, как на кухне она наливает воду в стакан, выпивает одну таблетку снотворного и следом ещё одну, но уже из шуршащей пачки антибиотиков.

Когда Морриган появилась в коридоре и направилась в спальню, я поднялся с места и двинулся в ванную. Но прежде чем я успел потянуться к дверной ручке, Морриган остановилась, и я замер глядя на её чёрные волосы, рассыпанные по спине.

— Ты же... придёшь? — тихо спросила она, не оборачиваясь.

— Да, — ответил я сразу, не раздумывая. — Конечно.

Она кивнула и скрылась в спальне, прикрыв за собой

дверь. Ещё несколько секунд я смотрел на эту дверь, а после щёлкнул выключателем и зашёл в ванную. Выхватив из стаканчика свою зубную щётку, я выдавил пасту из тюбика, открыл кран и посмотрел в зеркало, приступая к чистке зубов перед сном. В отражении был я. Уставший, измученный, но я.

Знаю, приятель, можешь не смотреть на меня так. Сегодня ночью мы опять увидим это. Или, может, что-то новое. Готовься.

Я сплюнул, прополоскал рот, выключил свет и вышел из ванной.

В спальне было тихо. Морриган ещё не спала глухим сном, но уже была на грани провалиться в него. Я осторожно лёг на свою половину кровати и уставился в потолок, прислушиваясь к её дыханию. Казалось, прошла целая вечность, пока оно не выровнялось. Её рука спокойно лежала поверх одеяла, и я не удержался. Прикоснулся к ней пальцами и закрыл глаза.

«Не спать совсем» – я тронусь умом, если уже не тронулся. «Спать» – и снова увижу... может быть, другую картинку, но с таким же смыслом.

Завтра она пойдёт на занятия, и я должен быть рядом. Нормальный я. Так что, выбор очевиден. Я готов.

ГЛАВА 4.1

24 февраля 2026 года.

– Ты уверена? – голос Дженсена прозвучал почти умоляюще. – Если нет, мы прямо сейчас развернёмся и уедем.

Я смотрела через лобовое стекло на главный корпус Принстона с его серыми каменными стенами, остроконечными шпилями и молчала. Перед глазами мелькнула группа студентов, поднимающихся по ступеням. Кто-то смеялся, кто-то спешил, на ходу допивая кофе из картонных стаканчиков, а я думала над его словами.

Уверена в чём, Дженсен? В том, что переживу ещё один день? Нет, не уверена. Я не уверена даже в том, хочу ли я в принципе жить дальше.

– Я не смогу вечно избегать этот день, – ответила я, поворачиваясь к нему, а голос прозвучал так, будто я и правда верила в то, что говорю. – Мне нужно пойти.

За эти дни я научилась читать его взгляд так же хорошо, как он когда-то учился читать моё дыхание. И сейчас в этих глазах шла ожесточённая борьба между желанием запереть меня в машине, спрятав ото всех, и смиренным подчинением моему выбору.

«Я никогда не буду делать то, чего ты не хочешь».

Да. Именно поэтому ты выберешь второе.

Дженсен молча потянулся к карману своей куртки. Я про-

следила за его рукой, не понимая, что он делает, но уже через несколько секунд перед глазами возникла розовая аптечная коробочка.

– Тогда возьми это, – Дженсен протянул ладонь ко мне. – На всякий случай.

Я взяла упаковку, повертела в пальцах. Название «Бенадрил» ничего мне не говорило, но надпись мелким шрифтом дала подсказку.

– Дженсен... это от аллергии.

– В курсе. Ничего другого не удалось купить, – он коротко вздохнул. – Но это может помочь, если... если тебе станет плохо. Просто пусть будет на всякий случай.

– «На всякий случай», – повторила я шёпотом, и где-то в глубине сознания шевельнулось что-то холодное.

Он просчитал это...

А чему ты удивляешься? Он возится с тобой, как с дитём. Видит твоё состояние и пытается сделать всё, чтобы тебе стало легче. О чём ты вообще думаешь? Неужели ты сомневаешься в нём?

Нет. Я могу сомневаться в ком угодно, даже в себе. Но не в нём.

Я мысленно кивнула ей и сунула упаковку в сумку, поверх тетрадей. Сделав глубокий вдох, я потянулась к ручке двери и сразу же почувствовала, как внизу живота снова заныло.

«Ты ранена. Но всё будет хорошо. Тебе нужно принимать лекарства и беречь себя».

Беречь, как же.

Мысленно усмехнувшись, я сжала ручку двери и открыла её.

– Ты точно не хочешь, чтобы я пошёл с тобой?

– Точно. Я хочу попробовать сама.

Я вышла из машины и захлопнула дверь, не дав ему возможности сказать что-то ещё. Ноги подкосились, но я удержалась и крепче сжала лямку сумки. Всю дорогу до самых дверей я чувствовала его взгляд спиной. Знала, что он не уедет, пока я не скроюсь внутри. Знала, что будет сидеть и ждать, готовый в любой момент сорваться с места.

Я знаю тебя, Дженсен.

Внутри главного корпуса было привычно шумно и многолюдно. Я остановилась на пороге, вжавшись в стену, и несколько секунд просто смотрела, как мимо текут люди. Они разговаривали, смеялись, спорили, обнимались. Кто-то кого-то окликнул, кто-то махнул рукой, кто-то поцеловал на бегу. Всего неделю назад я была частью всего этого. А теперь чувствовала себя руинами посреди мегаполиса.

Я сделала шаг вперёд, вливаясь в поток, а сердце сильнее застучало в груди, ускоряясь с каждым ударом. Паника подступала к горлу тошнотворной волной, но я сделала глубокий вдох, будто вместе с кислородом заталкивала её обратно.

Успокойся. Ты справишься.

Я сжала сумку в попытке найти точку опоры, выдохнула

и пошла прямо. Казалось, что все взгляды были прикованы ко мне, но я старалась не думать об этом. Первая лекция у профессора Джуд должна была начаться на втором этаже уже через несколько минут, и, пока я шла к лестнице, старалась думать только о ней.

Всё нормально. Лекция у Джуд поможет отвлечься. Она всегда шутит, рассказывая тему.

Я прогоняла эти мысли со вчерашнего вечера, когда Ада сбросила расписание. Настраивала себя на то, что день, которого я боюсь, как огня, принесёт мне частичку спокойствия. Или подарит хоть каплю надежды, что всё наладится.

Ступив на первую ступеньку, я подняла голову вверх и сердце пропустило удар. Все мои попытки сохранять лицо спокойным, а мысли в голове светлыми разлетелись в щепки. Страх сжал горло так, что я забыла, как дышать, когда увидела его.

«С днём рождения, куколка».

Я замерла, не в силах двинуться с места, а сердце заколотилось так, словно готовилось выскочить через горло. Люди обтекали меня, кто-то толкнул, кто-то чертыхнулся, но всё моё внимание было приковано только к нему. Я смотрела на этот силуэт, а перед глазами всё медленно расплывалось.

Нет. Пожалуйста, нет. Только не... только не ты.

Морриган, возьми себя в руки!

Я не... я не могу...

— ...ан, подожди!

Парень обернулся на женский голос.

Морриган, это не он. Просто очень похож со спины. Посмотри, у него совсем другое лицо. Самое обычное лицо самого обычного парня.

– Да стой же, Дилан!

Девушка взбежала по ступенькам, догоняя его, а я выдохнула так, будто не дышала целую вечность. Но руки тряслись. Не думая, я развернулась и почти побежала, придерживая живот рукой, к женскому туалету. Вбежав внутрь, я прижалась спиной к двери и несколько секунд просто пыталась отдышаться.

Успокойся. Дыши. Джensen дал тебе таблетки, помнишь? Вот он... «всякий случай».

Пошарив в сумке, я нашла упаковку. Достала её и выдавила из блистера две таблетки. Оттолкнувшись от двери, я подошла к раковине, набрала в ладонь ледяной воды и запила их, даже не почувствовав вкуса. Потом подняла голову и посмотрела в зеркало. Она уже ждала меня по ту сторону стекла с холодными глазами, в которых не было ни капли той паники, что разрывала меня изнутри. Жалости подавно не было.

Уже несколько дней мы виделись в зеркале, и все эти встречи начинались и заканчивались одинаково. Другая Морриган смотрела на меня в упор с неприкрытым презрением.

– Если ты сейчас не возьмёшь себя в руки, всему придёт окончательный конец, – безжалостным голосом сказала она.

– Ты этого хочешь?

Я смотрела на неё и не могла ответить, потому что в горле опять встал ком, готовый вот-вот прорваться наружу. Слёзы подступали к глазам безжалостным маршем, но я предприняла попытку остановить их, сделав глубокий вдох носом. Выдохнула. Но прекрасно понимала, что разговор ещё не закончен.

– Ты сейчас зайдёшь в кабинет. Сядешь рядом с Адой и сделаешь вид, что ничего не произошло, – она вбивала мне в голову слова, точно гвозди в дерево. – Ты поняла меня, Морриган?

Ада. Она обязательно спросит... она будет спрашивать, как всё прошло. С Дженсеном...

«Боже... какая ты узкая».

Ком в горле всё-таки лопнул, и крупные капли сами хлынули по щекам. Из-за коридора слышался звонок на пары, а я не могла пошевелиться, вцепившись пальцами в края раковины. Я зажмурилась изо всех сил, пытаюсь выкинуть из головы его голос и образ, но картинки становились всё чётче и чудовищнее.

– Пожалуйста, уходи, – прошептала я себе под нос. – Убейся прочь из моей головы...

Стиснув зубы, я ударила себя по щеке. Потом ещё раз. И ещё. Я била себя ладонью, пока кожа не вспыхнула жгучим огнём, а голоса не затихли. Остановившись, я прислушалась и поняла, что в коридоре шум тоже прекратился. Глаза сами

открылись, уставившись в зеркало. Она смотрела на меня с насмешкой.

– Закончила? Теперь слушай меня, – её голос стал ещё жёстче. – Ада спросит, как всё прошло с Дженсеном... и ты скажешь, что ничего не было. Придумаешь отмазку.

«Ничего не было». Потому что ничего и не было с Дженсеном. Но было...

Я широко распахнула глаза, хватая ртом воздух. Лёгкие загорелись так же, как пылала кожа в тех местах, куда пришли пощёчины. Не зная, как остановить новую волну паники, я открыла кран и принялась судорожно плескать в лицо ледяной водой. Когда жар сменился обжигающим холодом, я сорвала с держателя бумажное полотенце и промокнула кожу. Выбросила мокрый клочок бумаги в урну и подняла взгляд в зеркало. Другая Морриган равнодушно наблюдала, скрестив руки.

– Ты поняла меня? – переспросила она, не моргая.

– Поняла, – прошептала я.

– На выход.

Я кивнула своему отражению, смахнула остатки слёз тыльной стороной ладони, глубоко вздохнула и повернулась к выходу.

– Извините, – пробормотала я, проскальзывая в аудиторию.

Профессор Джуд пробежалась по мне глазами и кивнула,

не прерывая лекции. Я чувствовала, как на мне скрещиваются взгляды, пока шла между рядами, но старалась выглядеть нейтрально. Когда я опустилась рядом с Адой, она просияла так, будто я только что воскресла из мёртвых. Признаться, примерно так оно и было.

– Ну и видок у тебя, – шепнула она, наклоняясь ко мне.
– Болеешь что ли?

Я кивнула, расстёгивая сумку, и достала тетрадь.

– Гормональный сбой, кажется.

– Ой да, гормоны штука капризная, – Ада фыркнула, пряча улыбку. – Я в прошлом месяце...

– Мисс Реннар, мисс Баттлер, – голос профессора прервал Аду. – Я понимаю, что обмен новостями – важная часть социальной жизни, но, может быть, потерпите до конца лекции?

Ада закатила глаза, но послушно замолчала и уткнулась в конспект. Я открыла тетрадь, готовая делать пометки, и тоже попыталась вникнуть в тему.

– ...именно поэтому Дюркгейм утверждал, что социальная солидарность в современном обществе держится не на сходстве индивидов, а на их функциональной взаимозависимости, – вещала профессор Джуд, важно расхаживая перед маркерной доской. – Каждый человек выполняет отдельную функцию. Объединившись, люди создают систему. Но что происходит, когда один элемент выпадает?

«Что происходит, когда один элемент выпадает?» Выпа-

ла не только я. Мы оба выпали из жизни. Сегодня ему снова снилось что-то ужасное.

Вместо Ханны Джуд перед глазами поплыли картинки. Я проснулась сегодня раньше Дженсена и несколько минут просто смотрела, как он спит. Веки его подрагивали, губы сжимались, а на лбу выступила испарина. Он метался во сне, бормотал что-то неразборчивое, а я боялась разбудить его так же сильно, как не разбудить совсем.

Что тебе снится, Дженсен?

Тупой вопрос, Морриган. Ты знаешь, что ему снится.

Тебе тоже нужны таблетки, чтобы хоть на пару часов выключиться. Но... почему ты остаёшься рядом? Почему ты выбираешь эти страдания?

Ты правда дура или прикидываешься?

– ...и тогда система либо перестраивается, либо разрушается, – закончила профессор Джуд.

Я вздрогнула, поймав себя на том, что не слышала ни слова из лекции. Ада толкнула меня локтем и кивнула на тетрадь, где было записано ровно три строчки, и те не имели смысла.

– Эй, ты чего? Выключилась совсем?

Я покачала головой и сделала вид, что записываю дальше.
Завязывай играть в страдальцу. Возьми себя в руки.

♪ ♪ ♪

Следующей по расписанию была теория у Грейди и, как только мы вышли в коридор, Ада тут же принялась бол-

тать без умолку про Мэтта и про какие-то новости, которые я пропустила. Признаться, мне было всё равно. Я слушала вполуха и молилась только об одном: чтобы она не задала тот самый вопрос. Медленно двигаясь по коридору и машинально лавируя между студентами, я не заметила, как мы остановились около уголка с диванами.

– Ну, – Ада вдруг повернулась ко мне лицом, сверкая глазами. – Рассказывай!

«Ада спросит, как всё прошло с Дженсенем... И ты скажешь, что ничего не было. Придумаешь отмазку».

– Что рассказывать? – я сделала вид, что не понимаю, дабы выкроить лишнюю секунду в поисках той самой «отмазки».

– Не прикидывайся! – Ада театрально закатила глаза и понизила голос до заговорщического шёпота: – Как прошло? Я умираю от любопытства, Ри!

«Как прошло?»

Ты должна сказать, что ничего не было, слышишь?

«Боже... Какая ты... узкая».

Его голос выстрелил прямо в голову, и казалось, что воздух закончился во всём мире. Лёгкие сжались в спазме, а я не могла нормально вдохнуть. Не могла пошевелиться. Не могла вообще ничего.

– Ри? – приглушённый голос Ады донёсся откуда-то издалека, будто она говорила в подушку. – Ри... что случилось?

Я не могу. Не могу...

Я развернулась и побежала по коридору, расталкивая людей и не видя ничего перед собой. Кто-то крикнул вслед, кто-то выругался, но мысль «извиниться» даже не заглянула в голову. Я влетела в женский туалет, следом – в кабинку. Заперлась и сползла по стенке на пол, хватая ртом воздух и зажимая рукой живот.

Таблетки. Нужно ещё иначе я сойду с ума.

Руки тряслись так сильно, что попытка нормально растегнуть молнию на сумке обещала закончиться провалом. Тогда я рванула её, и половина содержимого высыпалась на кафельный пол. Я нашарила упаковку, выбила ещё две таблетки и сунула их в рот, глотая всухую. Горло сжалось, я закашлялась, но таблетки проскочили, оставив горький привкус.

Молодчина. Что скажешь ей, кстати? Что она сейчас подумала, видя, как ты сбежала?

– Заткнись, – прошептала я, сжимая голову руками. – Заткнись, умоляю.

Заткнуться? Ты понимаешь, что ты наделала? Ада решил, что Дженсен тебя обидел. А он не обижал. Он никогда тебя не обижал.

Стук в дверь кабинки заставил меня подскочить на месте.
– Ри?

Открыть? И что сказать? Давай, говори, что мне делать! Ты же самая умная, отвечай!

Но эта суказамолчала.

– Ри, пожалуйста, открой, – в голосе Ады послышалась отчётливая тревога. – Ты меня пугаешь.

Я протянула руку, отодвинула задвижку, но отвела взгляд, боясь посмотреть ей в глаза. Дверь приоткрылась и Ада тихо вошла внутрь. Она опустилась на корточки и осторожно взяла моё лицо в ладони, заставив посмотреть на неё.

– Ри, – выдохнула она. – Что случилось?

Я заглянула в её карие, полные беспокойства глаза и слёзы снова обрушились на меня, заливая лицо. Ада тут же крепко прижала меня к себе, как прижимала мама в детстве, когда я падала с велосипеда и обдирала коленки.

– Эй, капитан, тише... Вы поссорились? Ри, прости, если я...

Я замотала головой, уткнувшись лицом ей в плечо, и она замолчала на полуслове.

– Всё нормально, – прошептала я, шмыгнув носом. – Просто... я не могу пока, прости.

– Тише. Не можешь, значит не говори.

Мы сидели так несколько минут, пока не зазвенел звонок. Тихие рыдания прекратились, перейдя в редкие всхлипывания, а потом и вовсе затихли. Ада держала меня за руку, крепко сжимая пальцы.

– Тебе лучше? – спросила она с осторожностью. – Хочешь, прогуляем?

Идти к Грейди и слушать про гармонию, когда внутри меня чёрт знает что? Нет. Я не могу. Не хочу.

Я кивнула, и Ада поспешила помочь в сборе разбросанных вещей с пола обратно в сумку. Выйдя в пустой коридор, она взяла меня за руку и повела в другой конец корпуса. Я не думала о том, куда мы пойдём, заметит ли нас кто-то, не думала вообще ни о чём. Кроме неё.

Почему ты бросила меня?

Ты сказала заткнуться, вот я и заткнулась.

Сука.

Научишься вежливо общаться – дай знать.

Я ненавижу тебя.

Она снова заткнулась, а я не успела понять, как мы с Адой оказались в библиотеке. Реннар вела меня за руку между стеллажами в самую глубь, в самое укромное место с разделом «классической литературы». Сбросив сумку с плеча, Ада сползла на пол, а я медленно опустилась рядом, боясь почувствовать болезненный укол внизу живота. Ада молча взяла мою руку в свою, и тепло, исходящее от её ладони, подействовало как капля успокоительного: ничтожно мало, но хоть что-то. Я смотрела на то, как переплетаются наши пальцы, и прокручивала в голове одно и то же.

Как ей рассказать? Как вообще рассказывают такое? Как она отреагирует, если узнает правду? ПОЧЕМУ ТЫ МОЛЧИШЬ?

– Ри, он... обидел тебя?

Я резко мотнула головой, закрывая глаза.

– Нет-нет, всё нормально, правда, просто... – я запнулась,

лихорадочно соображая, что сказать. – Просто... там, в Нью-Йорке... кое-что случилось.

Ада насторожилась. Я почувствовала это по тому, как она чуть сильнее сжала мою руку.

– Что случилось?

Ты так и будешь молчать?

Выпытывайся сама, я тебе всё сказала.

– Ада, я не могу рассказать. Пока не могу. Просто я... я сама не знаю, что будет дальше.

Я открыла глаза, встречая её беспокойный взгляд. Карие глаза скользили по моему лицу, губы приоткрывались, чтобы произнести что-то, а внутри меня плескался коктейль из чувства вины и страха.

– Ладно, – Ада коротко вздохнула. – Но, пожалуйста, обещаю, что если ты захочешь поговорить или захочешь рассказать...

– Да, обещаю, – перебила я. – Но не сейчас.

Она кивнула и откинулась спиной к стеллажу. Я перевела взгляд перед собой, пытаюсь переключить мысли, и поняла, что таблетки наконец начали действовать. Волна паники отступила, сменившись почти полным равнодушием. Я откинула голову к стеллажу и закрыла глаза.

– Перекусим? – спросила Ада, поднимаясь с пола.

Я кивнула, вставая на ноги следом за ней. Мы выскользнули из библиотеки, и приятная тишина сменилась слегка

раздражающим коридорным гулом. Хлоя и Селена догнали нас на первом этаже.

– Реннар, Баттлер, что за подстава? – Хлоя втиснулась между мной и Адой, активно жестикулируя. – Вы где были?

– Решили прогулять, – прямо заявила Ада. – Ну, знаете, иногда душа требует устроить бунт.

– Вот уж спасибо, – отозвалась Селена, поравнявшись с Адой. – Ваш бунт стоил нам молчаливого созерцания инструментов.

– Не кипятись, Сели. Акция была разовой, – парировала Реннар, протискивая руку мне под локоть. – Клянусь палочками, что такое больше не повторится. Было что интересно-го?

Я старалась сохранять спокойствие, пока девочки оживлённо рассказывали про занятие у Грейди. Кажется, там и правда было что-то интересное, но я не особо вникала. У самого входа в кафетерий в кармане джинсов завибрировал телефон, и я остановилась.

Дженсен ♥:

>Где ты?

Я:

>На первом, у кафетерия

Заблокировала экран, а глаза тут же забегали по простор-

ному холлу главного корпуса. Хлоя и Селена скрылись за дверью, но Ада осталась стоять вместе со мной.

– Ри, ты идёшь?

Я открыла рот, но не произнесла ни слова, увидев его. Дженсен спускался по лестнице так быстро, будто за ним кто-то гнался, а глаза метались по толпе. Я инстинктивно обернулась к Аде, которая всё ещё стояла рядом, и наткнулась на её настороженный взгляд в его сторону. Когда я отвернулась, Дженсен уже приближался к нам, расталкивая других студентов плечами. Он остановился напротив меня, даже не глядя в сторону Ады, и впился глазами в моё лицо.

– Я догоню тебя, – сказала я, обернувшись к подруге.

Та перевела взгляд с меня на Дженсена, помедлила, но кивнула и отошла.

– Ангел, ты...

– Нет, – перебила я, зная, что он хочет сказать. – Я не в порядке.

– Давай уедем? – тут же выпалил он.

Я покачала головой и опустила глаза в пол.

– Дженсен... я должна.

– Не должна, Морриган, – его голос прозвучал чуть резче, чем обычно. – Ты не должна, слышишь?

«Ты не знаешь его так хорошо, как тебе кажется».

Я подняла на него взгляд, как вдруг его лицо изменилось. Черты поплыли, глаза из зелёных стали почти чёрными, а на губах заиграла та самая ухмылка, от которой у меня чуть не

выпрыгнуло сердце. Я на мгновение зажмурилась изо всех сил, но когда открыла глаза, передо мной снова стоял Дженсен.

– Дженсен, прошу, – голос обрёл твёрдость, хотя внутри всё дрожало. – Прошу, дай мне попробовать самой. Это важно.

Он смотрел на меня ещё несколько секунд. Наверное, хотел что-то возразить, но не стал – кивнул и отступил на шаг. Я развернулась и толкнула дверь, стараясь слиться с потоком студентов и желая раствориться в нём же.

– Завтра репетируем? – спросила Хлоя, глядя на меня. – Ну, в смысле ты придёшь, Ри?

– Я постараюсь, – уклончиво ответила я. – Неважно чувствую себя... гормоны скачут, наверное.

– Как я тебя понимаю, – вздохнула Хлоя, разламывая бутылку пополам. – Сама страдаю от этих вечных ПМС. Вот скажите, почему эти «прелести» достались именно женщинам?

– Ну как это «почему»? – фыркнула Селена. – Женщины, как известно, слабый пол, а слабым достаётся всё самое «весёлое».

– Мне такое неизвестно, – парировала Ада, держа в руке бутылку колы. – Миссис Реннар частенько напоминает мистеру Реннар, что слабый пол – это тот, который он состряпал из старых досок в моём домике на дереве.

Девушки рассмеялись, и даже я позволила себе слабую улыбку. Они продолжили болтать о всякой девчачьей ерунде, но я снова перестала слушать, утопая в мыслях. Ковыряла вилкой салат, который Ада поставила передо мной, и пыталась выплыть из собственной головы. Не получалось. Да и есть мне не хотелось. Признаться, вообще ничего не хотелось.

– Кстати, – Хлоя понизила голос до шёпота. – Вы слышали про Джилл?

Пять буквы её имени сложились в спасательный круг, брошенный в море. Я вынырнула, насторожившись.

– А что с Джилл?

– Она сама не своя последние дни, – вмешалась Ада, закручивая крышку. – В четверг я опоздала на пять минут, так она на меня наорала так, будто я всю ночь где-то шлялась. Пять минут, Карл!

– Может, у неё тоже гормоны? – хмыкнула Селена.

– У Джилл Мейсон? – Хлоя закатила глаза. – У неё вместо гормонов расписание и устав.

Девушки тихо засмеялись, а я уставилась в тарелку, переваривая услышанное.

Джилл – единственный посторонний человек, кто знает правду. Она была со мной в клинике. Она отпаивала меня чаем у себя дома, не задавая вопросов. Она приехала к нам, когда Дэсенсен уехал за вещами. Эта девушка не просто «кураторша», она... друг. Надёжный, готовый в любую минуту

помочь, друг. И наорала Джилл на Аду не из-за опоздания. Она просто сорвалась.

Молодец, соображаешь. Хороший знак. Не забудь сказать ей «спасибо».

Ты вернулась? Ну надо же...

– Морриган? – голос Селены вырвал меня из мыслей. – Ты какая-то бледная. Точно всё хорошо?

– Да, – ответила я, выдавив улыбку. – Просто не выпала.

После обеда у нас была лекция по истории музыки. В аудитории я смотрела на профессора, который рассказывал о барочной полифонии, и чувствовала, как веки тяжелеют. Таблетки делали своё дело – паника отступила, но вместе с ней почему-то отступила и способность соображать. Строчки в тетради расплывались, а голос профессора звучал всё глуше, всё дальше. Я боролась со сном как могла, но понимала, что всё равно проигрываю эту битву.

Ты засыпаешь, в курсе? Без чуда под названием «снотворное». А ты знаешь, что будет, когда ты уснёшь без них.

Я резко дёрнулась, распахнув глаза. Вокруг сидели студенты, кто-то что-то писал, кто-то слушал, а я слышала только шум в ушах и бешеный стук своего сердца. Не думая, я достала телефон, под столом.

Я:

>Ты далеко?

Ответ пришёл через пару секунд.

Дженсен ♥:

>За дверью

Он прямо за дверью. Может это знак, что на сегодня достаточно? Как думаешь?

– Простите, – я поднялась, перебивая профессора на полуслове. – Мне нехорошо.

Не дожидаясь ответа, я подхватила сумку и быстрым шагом направилась к выходу из аудитории. Толкнув дверь в коридор, я сразу же увидела Дженсена. Он прислонился спиной к стене, но увидев меня, тут же оттолкнулся навстречу.

– Тебе плохо? – спросил Дженсен, и в его глазах снова была та тревога, которую я уже видела сто раз за эти дни.

Я кивнула, сделала шаг, но ноги подкосились. Он подхватил меня в последний момент, прижал к себе, и я почувствовала, как сильно бьётся его собственное сердце.

Достаточно на сегодня.

– Я хочу... уехать...

Глаза открылись, и я поняла, что лежу на диване в гостиной, укрытая пледом. За окном темнело, а в комнате горел торшер, отбрасывая мягкий жёлтый свет. Выдохнув с облегчением от того, что мне ничего не снилось, я попыталась

подняться.

– Что случилось? – спросила я, придерживая живот.

– Ты вырубилась прямо в коридоре, – ответил он откуда-то слева.

Я поморщилась, потёрла виски.

– Таблетки, наверное. Или организм не справляется.

Взгляд скользнул влево и наткнулся на Дженсена. Он сидел на полу с измученным видом и смотрел в мою сторону с такой тревогой, будто на меня летит ракета.

«А ты знаешь, кто такой твой Дженсен?»

Голос Итана вполз в голову, как змея, и я зажмурилась, пытаюсь отогнать его.

Заткнись. Пожалуйста, заткнись. Исчезни из моих воспоминаний. Сотришь из памяти.

– Морриган? – голос Дженсена вырвал меня из оцепенения.

– Я... – глаза открылись. – Наверное, нужно принять снотворное.

Дженсен кивнул, поднялся и ушёл на кухню. Я слышала, как льётся вода, как звякнул пузырёк с таблетками. Через минуту он вернулся, протянул мне стакан и таблетку. Я выпила, не глядя, и отдала стакан. Голова сама откинулась на подушку, и я закрыла глаза.

Я пережила этот день. Не победила, но и не проиграла. Скоро всё наладится.

Да-да, утешай себя.

*Ты тоже проваливай из моей головы.
Как скажешь. Сладких снов.*

ГЛАВА 5

25 февраля 2026

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.